

ИСКУССТВО СЛОВА И ГРАДАЦИЯ СТИЛЕЙ В ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ЭСТАША ДЕШАНА¹

Л. В. ЕВДОКИМОВА

Анализируя различные поэтические произведения Эсташа Дешана («Ди о сочинителях удивительных врак и баек» — «D'un beau dit de ceuls qui contreuent nouvelles bourdes et mensonges»), а также некоторые баллады, мы устанавливаем, что ему были известны и различные трехчленные градации стилей, и их бинарная оппозиция. На знакомство Дешана с одной из систем первого рода указывает термин «сдержанный голос», который используется в «Ди о сочинителях». Этот термин, как показано в статье, восходит к одному из служебников — «Епископской книге» Гильома Дюрана. Вероятно, Дешан контаминирует в этом случае разные представления, применяя термин, который использовался в служебнике, к градации типов произнесения и стилей, сложившейся в Средние века в лоне одной из риторических традиций. Во второй половине XIV в. термин «сдержанный голос» начинает ассоциироваться со средним, нейтральным стилем и дидактическим содержанием. В других случаях представления Дешана о среднем стиле восходят к тем средневековым версиям риторики, — письмовникам, искусствам проповеди, — где стиль ставился в зависимость от коммуникативной ситуации: социального статуса говорящих и уровня их образования. Дешан предлагает обращаться к людям среднего состояния в «смешанной манере» — этот термин предполагает соединение в одном произведении более высоких и более низких элокутивных средств и топосов. Помимо трехчленных градаций стиля, в стихотворениях Дешана отражается и традиционное для литературы XIII — первой половины XIV в. противопоставление высокого и низкого стилей, иначе сказать, их бинарная оппозиция.

Поэтическое наследие Эсташа Дешана чрезвычайно разнообразно как по тематике, так и по используемым лексическим, риторическим и версификационным средствам. В какой степени те или иные его стихотворения соотносятся со стилями и стилистическими системами Средневековья? Усматривал ли он сам какие-либо связи между своими произведениями и учениями о стилях? Эти вопросы, на наш взгляд, еще не изучены в достаточной мере, хотя отдельные замечания о стилистической дифференциации стихотворений Дешана были сделаны².

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Московские встречи медиевистов. Социальные аспекты средневековых литератур: текст и коммуникативная ситуация в Средние века».

² См., в частности, нашу статью «Риторика и поэзия в «Искусстве сочинять» Эсташа Дешана» // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2005. № 2. С. 186–187, где мы относим некоторые стихотворения Дешана к высокому стилю, а также: *Lacassagne M. Eustache Deschamps, praticien du style moyen* // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2010. № 7. Р. 151–165. Лакассань склонна связывать стихотворения Дешана, посвященные прославлению среднего состояния

Для ответа на них нужно полнее описать представления Дешана об искусстве слова и речи, интегральной частью которых были и его суждения о стилях и их различии. Дешан был автором одной из первой французских поэтик — «Искусства сочинять», — однако его знания об этих предметах не сводятся к тому, что сказано в этом трактате. В своих стихотворениях он прямо или косвенно ссылается и на другие учения о слове: они не только были ему известны, но, мы полагаем, оказывали влияние на его собственную поэзию. Напротив, «Искусство сочинять», по-видимому, не следует рассматривать как поэтическое кредо самого поэта³.

По своим взглядам на литературу и сочинительство Дешан был эклектиком — его суждения едва ли можно свести в единую систему. Не исключено, что противоречия между доктринами, отразившимися в его стихотворениях, объясняются тем, что они были написаны в разное время, однако датировать их не всегда возможно.

и «золотой середины», с его тяготением к среднему стилю. На наш взгляд, границы среднего стиля у Дешана и более широкие, и более размытые, поскольку, как мы убедимся далее, в собрании его стихотворений отражается влияние различных учений о стилях.

³ «Искусство сочинять», судя по всему, было написано по просьбе покровителя поэта — Людовика Орлеанского (*Eustache Deschamps. L'Art de dictier* / Ed. D. M. Sinnreich-Levi. East Lansing, 1994. P. 139; далее мы цитируем трактат по этому изданию). О том, что трактат написан по заказу, Дешан говорит не один раз, хотя и не называет имени мецената. Ср., в частности: «...car ce qui fait en est a esté du commendement d'un mien tresgrant et especial seigneur et maistre, auquel pour mon petit engin ne autrement, pour l'obeissance que je lui doy, excusacion n'eust pas eu lieu, quant a moy» (p. 102–104). («Ведь все это было написано по повелению моего господина и повелителя, которому я всем обязан и ни в коей мере не мог бы ни в чем ему отказать — как из-за малости моего дарования, так по другой какой причине».) По-видимому, объяснение словосочетания «свободные искусства», которое дается в самом начале трактата — эти искусства-де предназначались людям свободным, иначе говоря знатным и происходящим из хорошего рода, — Дешан привел, чтобы указать на благородное происхождение покровителя и подчеркнуть, сколь пристало ему чтение этого трактата. Ниже, говоря о сирvente — песни, посвященной Богоматери, — Дешан, в отличие от большинства случаев, не иллюстрирует свое рассуждение примером — потому (уверяет он), что «благородные люди их не пишут» («nobles hommes n'ont pas accoutumé de se faire» (p. 82)). Не содержит примеров также краткий параграф, посвященный глупым песням и пастуреллам — на сей раз Дешан их опускает, как он говорит, ради краткости. Между тем у самого Дешана стихотворения этих форм имеются, в том числе немало песен, посвященных Богоматери. Таким образом, создается впечатление, что Дешан аранжирует изложение стихотворческой науки, подстраиваясь под своего адресата. Об «Искусстве сочинять» написано очень много; упомянем последнюю книгу: *Jeserich P. Musica naturalis. Tradition und Kontinuität spekulativ-metaphysischer Musiktheorie in der Poetik des französischen Spätmittelalters (Text und Kontext 29)*. Stuttgart, 2008. Автор полемизирует с известной статьей Р. Драгонетти (*Dragonetti R. La poésie ... cette musique naturelle. Essai d'exégèse d'un passage de «l'Art de dictier» d'Eustache Deschamps // Fin du Moyen Age et la Renaissance. Mélanges offerts à Robert Guiette*. Anvers, 1961. P. 49–64), полагая, что Дешан в течение всей своей жизни оставался связанным со средневековыми спекулятивными учениями о музыке (тогда как Драгонетти, не отрицая того, что Дешану была известна эта традиция, считает, что он с ней порывает); см. также рецензию на книгу Езериха: Inga Mai Grote в: *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. T. 72. 2010. P. 499–501.

Дешану были знакомы и трехчленная, и двучленная градации стилей. Об одном из учений первого типа он упоминает, в частности, в своей поэме шуточного содержания — «Ди о сочинителях удивительных врак и баек» («D'un beau dit de ceuls qui contreuent nouvelles bourdes et mensonges»; 16 et 17 octobre 1400; № 1404⁴), причем это упоминание является частью развернутого иронического изложения риторики и поэтики. Эта поэма принадлежит к циклу произведений, которые Дешан посвящал своим друзьям и, возможно, коллегам-юристам. Если судить по самим этим произведениям, компания друзей была литературным сообществом, подобным арраскому окружению Адама де Ла Алля и, быть может, в еще большей степени позднему собратству Базош⁵. Своих друзей Дешан называет «fumeux»; согласно словарю среднефранцузского языка, среди значений этого слова — «гневливый», «вспыльчивый»⁶. Однако метафорически это прилагательное использовалось и в значениях «печальный», «меланхоличный»⁷; как считалось в Средние века, меланхолия благоприятствует творчеству. В некоторых стихотворениях этого цикла Дешан использует слова *fumeux* и *melancolieux* в непосредственной близости⁸. Обращаясь к своим друзьям, Дешан называет себя их главой и повелителем, рисует сообщество как своего рода социум и государство, обладающие собственными законами; как и позднее Вийон, он нередко использует в качестве художественной структуры форму делового документа: хартии, послания, приговора.

В «Ди о сочинителях» он в качестве повелителя «гневливых» созывает шутовскую ассамблею, приказывая всем своим подчиненным явиться на ее заседание и прочесть собравшимся свои сочинения. Здесь же он излагает правила той науки, которой они должны следовать. Речь идет, вне всяких сомнений, о риторике — причем в ее довольно необычной версии. Несмотря на то что общий тон стихотворения шуточный, в нем, несомненно, есть доля серьезности, поскольку, как мы увидим ниже, сходные представления о риторике нашли отражение и в других произведениях Дешана, не окрашенных иронией. Кроме того, изложение ритори-

⁴ Здесь и далее номера томов и страниц отсылают к собранию сочинений Дешана: *Eustaches Deschamps. Œuvres complètes* / Éd. du marquis de Queux de Saint-Hilaire et de Gaston Raynaud. T. I—XI. Paris, 1878—1904.

⁵ *Unruh P.* «Fumeur» Poetry and Music of the Chantilly Codex: a Study of its Meaning and Background. A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Master of Arts, the University of British Columbia, 1983. P. 51, 71. Согласно К. Беккер, компания «гневливых» была, скорее всего, вымышленным, никогда не существовавшим сообществом: *Becker K.* *Le Lyrisme d'Eustache Deschamps. Entre poésie et pragmatisme.* Paris, 2012. P. 60.

⁶ *Dictionnaire du Moyen français en ligne:* <http://www.atilf.fr/dmf/>.

⁷ *Unruh P.* *Op. cit.*

⁸ Например в «Хартии гневливых» («La charte des fumeux» [9 décembre 1368]; № 1398): «Jehan Fume, par la grace du monde / Ou tous baras et tricherie habonde / Empereres et sires des Fumeux / Et palatins des Merencolieux / A tous baillis, prevost et seneschaux / Dus, contes, princes ... Vous esclarcirons leur maniere / Et leur condicion premiere. / Ilz parlent variablement / Ilz se demaines sotement; / ... / Plain sont de grant merancolie...» (t. VII, p. 312). («Жан Гневливый / С соизволения мира сего, / В котором господствует обман и надувательство, / Повелитель и господин всех гневливых, / А также верховный советник меланхоликов / Провозглашает всем балы, прево и сенешалям, / Герцогам, графам, князьям ... Итак, расскажем вам об их повадке [т. е. гневливых — Л. Е.] и обычае. / Они говорят о том и о сем, / Ведут себя глупейшим образом, / ... / Преисполнены меланхолии».)

ческой науки отражает познания Дешана в этой области, указывает на источники, к которым он обращался и которые, мы полагаем, повлияли на него самого.

Здесь Дешан, с одной стороны, повторяет кое-что из того, что уже писал в «Искусстве сочинять» и в так называемой балладе о риторике (№ 1367), близкой к этому трактату, а именно: риторика — практическая наука, которая, однако, предполагает знание теории⁹, оратор должен говорить «храбро»¹⁰; поэт использует словосочетание «parler en abondance» («богатство красноречия»), по видимому, восходящее к исидоровскому определению риторики¹¹.

Часть рекомендаций, которые Дешан дает своим «подданным», касается собственно правил изложения и литературной обработки материала, а также произнесения; по большей части, эти рекомендации соответствуют хорошо известным литературным нормам. Так, изъясняться следует изысканно, избегая низких предметов, сдерживая гнев, украшая свою речь, употребляя слова в собственных значениях и прибегая ко лжи, за которой, однако, скрыта правда, — иначе говоря, к аллегориям¹².

Однако в отличие от влиятельной в Средние века риторики римского образца, которая ограничивает свою область гражданскими делами, риторика, о которой пишет Дешан, универсальна — по ее правилам строится рассказ на любые темы; гражданские дела хоть и не вовсе исключаются, но находятся на втором плане¹³. В этой ориентации дешановской риторики слышится отголосок идей Аристотеля. Ср.:

⁹ «Et qui ont belle theorique / Et de parler bonne pratique / En faiz de beaux comptes compter, / Choses nouvelles rapporter...» (t. VII, p. 351–352). («Прекрасно знают теорию, / Владеют речью на практике, / Умеют рассказывать превосходные истории, / Сообщать обо всяких новинках...».)

¹⁰ «Hardiement»; эти сведения о риторике приводятся в «Искусстве сочинять» и в балладе о риторике; см.: *Евдокимова Л. В.* Риторика и поэзия в «Искусстве сочинять» Эсташа Дешана // *Кентавр. Studia classica et mediaevalia*. 2005. № 2. С. 178–190.

¹¹ Ср. Исидор (*Etymologiae*, II, 1, 1): «Rhetorica est bene dicendi scientia ... eloquentiae copia» («Риторика есть умение хорошо говорить ... богатство красноречия»). Словосочетание, использованное Дешаном в поэме, также переключается с «Искусством сочинять», где говорится о «красноречии сочинений», «facunde des diz».

¹² Сочинитель «s'aidera / De la langue souteivement / Et par beaux moiens proprement, / Sanz touchier matere villaine, / Et qu'il ait tousjours grant alaine / Pour parler en multipliant, / Et qu'il voit ses compz employant / De loing et sanz eschaufeture ... / Pour sçavoir qui mieulx sentira / Et qui mieux mettra en fourme / Verité couverte de bourde» (t. VII, p. 355–358). (Сочинитель, «с ловкостью орудуя языком, / Отыщет прекрасные и подобающие средства, / Не касаясь при этом непристойных материй; / Пусть вдохновение не оставляет его — / Так, нужно, чтобы он говорил без умолку; / Пусть рассказывает, / Взвизывая на свой предмет издали, чтобы не горячиться / ... / Мы узнаем, кто сумеет / Придать лучшую форму / Истине, спрятанной во лжи».)

¹³ Ср. гражданскую тематику, появляющуюся в конце ди и напоминающую о риторике римского образца: «Et, par maniere de requeste, / Vaurra chascun a celle feste / Ou dira devant tous de bouche / Nouvelle chose ou escarmouche / Ou de guerre ou de paix estrange, / Pour avoir los, pris et louenge / Pour veoir le sens de chascun, / Pour adviser que no commun, / Ensemble la chose publique, / Ne puist par quelque voie oblique / Estre mise a destruction. / La se fera l'instruction / Comment l'en devra gouverner, / Et la voulrons nous ordonner / De nostre estat, et de nos gens / Faire baillis, prevost, sergens, / Receveurs, procureurs et maires ... / Grans conseillers et advocas, / Selon ce que verrons leurs cas, / Leur sens et leur bonne pratique» (t. VII, p. 354). («Пусть всякий, присутствующий на этом торжестве, / Сообщит или расскажет / Что-нибудь новенькое, поведает о какой-нибудь небывалой потасовке, / Случившейся в мирное или военное время; / Так он до-

Le prince de haulte eloquence ...	Князь, в чьей власти высочайшее красно- речие, ...
Seigneur des choses incroyables ...	Владыка вещей невероятных, ...
Saichans dire toutes nouvelles, De qui ce vient, de l'afermer Des grans merveilles de la mer, Des sciences et de la guerre, De tous animaulx de la terre, De l'air, des merueilleus poissons, Des vendenges et des moissons, Des chiens et des oyseaulx volans Et des grans rivieres courans... (t. VII, p. 347–348).	Умеющий сообщить любую новость, Рассказать о грядущем, Поведать о морских чудищах, О науках и о войне, О всех тварях земных, О птицах небесных и чудесных рыбах, О сборе винограда и жатве, О собаках и летающих птицах, Об огромных стремительных реках...

Перечень предметов, рассказать о которых помогает риторическая наука, встречается в этом произведении не один раз¹⁴. Из этих перечней следует, что риторика для Дешана — искусство обмана, и что, говоря о ней, он имеет в виду писательское ремесло (ср., например, в прим. 14 стихи о восхвалении дам, явно указывающие на любовную поэзию).

Сходные представления о риторике — вредной науке, которая учит, как обманывать и как придать убедительность самым невероятным утверждениям, транслирует в упрощенной и лапидарной форме Брунетто Латини, впрочем, тут же эти идеи опровергая¹⁵. Однако более вероятно, что такая оценка ритори-

бьется славы и похвал, / Угождая всем на свете / И следя за тем, / Чтобы наш народ и страна / Не понесли урона из-за каких-то подвохов. / На том же самом торжестве поведем, / Как вершить правление, / Там мы обнародуем наши указы, / Назначив для нашей страны и народа / Бальи, прево, сержантов, / Сборщиков подати, прокуроров и мэров ... / Старших советников и адвокатов / В зависимости от достоинств претендентов, / Их здравого смысла и опыта»).

¹⁴Ср. также: «A tous ceuls qui scevent fonder / Nouvellement et recorder / Chose nouvelle et merueilleuse, / Qui ont paroule gracieuse, / Parlans des voyages estranges, / **Qui donnent aux dames louenges, / Qui parlent d'armes et d'amours,** / Qui scevent faire soutilz tours / Et eulx getter par beau langage / De maint peril, de maint dommaige, / Qui scevent de tous cas parler, / Qui scevent venir et aller / Entre gens et si scevent tendre / Que ce qu'ilz donnent a entendre / Soit tenu vray des escoutans, / Qu'en son parler ne soit doubtans / Et moustre ses choses possibles / Par subtils moyens impossibles, / Creables par ce que nature / Desire en tout et met sa cure / En choses nouvelles ouir / Ou maint se seullent resjouir / ... / Salut, vray amour et concorde!» (t. VII, p. 349–350). («Привет, мир и согласие ... / Всем тем, / Кто горазд придумать и припомнить нечто новенькое и небывалое, / Тем, кто умеет подбирать красивые слова, / Рассказывая о чудесных путешествиях, / Тем, кто воздаёт хвалу дамам, / Рассуждает о сражениях и любви, / Тем, чей язык способен так извернуться, / Чтобы одно лишь ловкое слово спасло их от опасности и беды, / Тем, кто умеет рассуждать обо всем, / Обращаясь к собравшимся, / И любого заставит поверить в то, / Что сказана голая правда, / Где нет ни капли лжи; / Тем, наконец, кто самыми немислимыми средствами / Докажет, что невероятное возможно / И достойно доверия; тем, / Кто по своей природе стремится и жаждет / Услышать что-то новенькое, / — Такое, что всех развеселит...»).

¹⁵«Aristotes dist qu'elle [rhétorique — Л. Е.] art, mais mauvaise, por ce que por parleur estoient avenu as gens plus de mal que de bien. ... Et d'autre part s'accorde bien Tuilles a ce k'Aristotles dist

ки была подсказана Дешану переводом Аристотелевской «Политики», принадлежащим Николю Орему; этот перевод Дешан, вне всяких сомнений, читал¹⁶. Орем сопровождает свои переводы многочисленными глоссами, порой весьма развернутыми; их немало в главах «Политики», содержащих упоминания демагогов (кн. 4, гл. 7; кн. 5, гл. 8–10). Переводчик отождествляет демагогов с риториками, порой прямо ссылается на «Риторику» Аристотеля, объясняя, почему народ столь восприимчив к их речам. Упомянув разных авторов, он пишет, что красноречие не обязательно сопутствует добродетели и для государства его воздействие в высшей степени негативно¹⁷.

Столь же отрицательная оценка риторики отражается и в некоторых других произведениях Дешана. Так, он наделяет непревзойденным красноречием Безумие — аллегорическую правительницу Франции («Зерцало брака»)¹⁸; в одной из

de parleure, qu'elle est mauvaise art; mais ceste parleure sans sapience, quant uns hom a bone langue dehors et il n'a point de conseils dedens, sa parleure est fierement perilleuse a la cité et as amis (Livres dou Tresor de Brunetto Latini / Ed. J. Carmody. Los Angeles, 1948. P. 318). («Аристотель говорит, что она [риторика. — Л. Е.] искусство, но дурное, поскольку красноречие принесло людям больше вреда, чем пользы. ... Со своей стороны, Туллий соглашается со словами Аристотеля, будто красноречие — дурное искусство, но он имеет в виду такое красноречие, которому не сопутствует мудрость, — когда у человека ловкий язык, а в голове ничего нет, его речи в высшей степени опасны и для его собственных друзей, и для государства»).

¹⁶См. об этом, в частности, в нашей статье: *Evdokimova L. Ethique, économique, rhétorique. La classification aristotélicienne des sciences et la poésie didactique de Deschamps // Les «Dictiez vertueulx» d'Eustache Deschamps. Forme poétique et discours engagé à la fin du Moyen Age / Dir. M. Lacassagne et T. Lassabatère. Paris, 2005. P. 57–72.*

¹⁷Так, в кн. 5, гл. 8: «Et aussi ne sont pas tousjours ensemble belle facunde et bonne prudence ou grande science de la comicacion de ces deux choses. Marcianus Capella fist ung livre intitulé *De nuptiis Mercurii et Philologie*. Or appert doncques comment ou temps passé ont deceu le peuple par leur beau parler et par leur eloquence. Et comment par leur malice perissoient les polices [так постоянно в этом издании]. Et de ce recite Tules ou commencement de rethorique en proposant une question et met que la chose publicque de Romme avoit esté grandement dommagee et grevee par eloquence. Et que moult de grandes citez ont souffert anciennement miseris et calamitez par gens tresdissers en parler et de grande facunde et tels estoient ceulx que Aristote appelle demagoges et de ce fut dit ou VII chapitre du quart et comment les adulateurs decevoient les princes anciennement par leur beau parler. Et decevoient de jour en jour sicomme il est exprimé et dit elegaument et noblement en la saincte Escripiture Nest. XVI. Multi bonitate principum etc.» («Вовсе не всегда сопутствуют друг другу красноречие и доброе благоразумие Марциан Капелла написал книгу, озаглавленную *De nuptiis Mercurii et Philologie*. Из нее видно, как в прошлые времена обманывали народ с помощью прекрасных речей и витийства, и как из-за этих речей гибли государства. Об этом же пишет и Туллий в начале своей книги о риторике, где он обсуждает этот вопрос и утверждает, что государство римлян понесло огромный урон из-за красноречия. И множество великих государств также претерпели горести и бедствия из-за людей говорливых и красноречивых, которых Аристотель называет демагогами. О них речь уже шла в главе VII книги четвертой, где было рассказано, как эти льстивые люди обманывали князей своими речами. А обманывали они их изо дня в день, как весьма справедливо и выразительно сказано в библейской книге Эсфири, в главе XVI: “Многие добрые князья” и т. д.»). Цит. по: *Livre de Politiques d'Aristote / Ed. A. Végard, 1489. P. CLXXVI.*

¹⁸«Vos parler, et vostre pratique / ... du bon miel de rhétorique / Passe de nous autres le sens» (t. IX, p. 319; v. 9905–9907). («Ваши дела и сладость красноречия, / Присущая вашим словам, / Превосходит наше разумение»). Об этой теме произведений Дешана, навеянной чтением Аристотеля в переводах Николя Орема, см. нашу статью: *Evdokimova L. Op. cit. P. 70–72.*

баллад риторика предстает как средство обогащения — быть может, эта мысль также навеяна «Политикой» Аристотеля, где суждения о демагогах приводятся в связи с рассказом о государственных переворотах и неправедно приобретенном богатстве¹⁹.

Помимо владения упомянутыми выше приемами литературной обработки материала, члены нового сообщества должны уметь декламировать свои произведения — «читать их сдержанным [буквально: «средним»] голосом так, как произносят чистую правду» («Prononcees comme Euvangiles / De voix moyenne...» (t. VII, p. 347). Аналогичные термины — *vox media*, *vox mediocris* — используются в различных богослужебных книгах. Они встречаются, в частности, в «Епископской книге» Гильома Дюрана, епископа Мандского, а также в богослужебных книгах францисканского ордена. «Епископская книга» Дюрана, составленная на основе более ранней «Епископской книги» римской курии, описывала церковные обряды, которые совершались с участием епископов и кардиналов. В течение XII–XIII вв. католическое богослужение все более и более регламентируется: в это время сначала получает наибольшее распространение «Епископская книга» римской курии, в одной из своих поздних редакций. Позднее, с конца XIII в., ее постепенно начинает вытеснять «Епископская книга» Гильома Дюрана; в 1485 г. папа Иннокентий VIII объявляет эту последнюю служебником римского обряда, оставив при этом текст Дюрана почти без изменений²⁰. «Епископская книга» Дюрана регламентирует, среди прочего, характер произнесения текстов, звучащих во время совершения обрядов, и устанавливает при этом многочленную градацию для тона звучащего голоса: сдержанный голос (*vox media*, *vox mediocris*, *vox plana*) противопоставляется при этом громкому (*vox alta*, *clamans*) и тихому (*submissa*). Не претендуя на то, чтобы описать эту градацию в полной мере, укажем, что громкость голоса (иногда обозначаемого как высокий, иногда как сдержанный, иначе — «средний») противопоставляла главного священнослужителя, совершающего обряд (епископа, кардинала) другим его участникам, которые должны были отвечать «тихим голосом», приглушенно; сдержанным, внятным голосом также подобало читать некоторые тексты, тогда как указание на громкость голоса могло сопровождать торжественные хвалебные формулы²¹. Понятно, что в этом контексте «сдержанный голос» — знак,

¹⁹ Баллада № 161: «Qui est eureus et qui scet pratiquer, / Et de parler a belle rethorique, / Tant qu'avoir a, par beau rethoriquer, / Et enrichist par sa bonne pratique, / Honourez est plus que saint ne relique, / Des que l'on scet qu'il a deniers en cofre...» (t. 1, p. 290–291). («Кому везет и кто смыслит в практических делах, / Кто умеет красно говорить, / У того довольно добра / Благодаря его речам / И делам; / Больше ему почета, чем святому или мощам, / Раз известно, что сундук полон монет...»).

²⁰ Andrieu M. Avant-propos // Le Pontifical romain au Moyen Age. Citta di Vaticano, 1938. T. 1. P. V–VIII; *idem*. Introduction // Op. cit. T. 2. P. 263–315; Martimort A.-G., Cabié R. L'Église en prière. T. 1: Principes de la liturgie. Paris, 1983. P. 69–70; см. также: Martimort A.-G. Les «ordines», les ordinaires et les cérémoniaux. Turnhout, 1991.

²¹ См., частности: «De examinatione, ordinatione et consecratione episcopi»: «Tunc electus sedet super faldistorium, in medio chori post episcopos contra faciem consecratoris sibi paratum, assistentibus sibi archidiacono, archipresbitero et canonicis suis. Predicti vero duo episcopi ad faldistoria sua redeunt ad sedentem. Et consecrator media voce, in modum lectionis, incipit sequentem examinationem Cartaginensis concilii. Ceteri vero episcopi prosequuntur submissa voce et dicunt quecumque dixerit

указывающий и на достоинство говорящего, и на характер его эмоций. Был ли Дешан знаком с этой градацией и с той ролью, которая отводилась в ней «сдержанному голосу»? На такую возможность, как кажется, достаточно явно указывает приведенный выше стих из его ди, прямо соотносящий «сдержанный голос» и чтение Евангелий.

Возможно, в «Ди о сочинителях» Дешан контаминирует разные представления, применяя термин, который использовался в служебнике, к градации типов произнесения и стилей, сложившейся в Средние века в лоне одной из риторических традиций. В самом деле, уже в классической риторике очевидна связь между модуляциями голоса и силой его звучания, а также содержанием произ-

consecrator» (*Andrieu M. Op. cit. T. 3. P. 379*). («Об испытании и рукоположении епископа, а также о его посвящении»: «Тогда избранный, в сопровождении архидиакона, архипресвитера и каноников, садится на сиденье посреди хора [то есть в той части нефа, куда допускался только клир: каноники, которые были священниками и одновременно хором. — прим. ред.], позади епископов и лицом к посвящаемому его. Два епископа, упомянутых выше, направляются к своим сиденьям и садятся. И посвящающий начинает следующее ниже испытание по тексту Карфагенского Собора, читая, как положено, сдержанным голосом. Другие же епископы отвечают тихим голосом, повторяя сказанное посвящающим». Там же: «*Tunc ordinator imponit utramque manum super caput illius dicens: Accipe spiritum sanctum. Idemque faciunt et dicunt omnes episcopi, tam tenentes librum quam alii successive. ... Quo facto, illo genu flectente, dicit ordinator media voce et alii episcopi, submissa tamen voce, cum ipso: ... Propitiare, Domine, supplicationibus nostris et inclinato super hunc ... infunde virtutem. ... Deinde consecrator dicit voce mediocri, iunctis manibus ... Quod sequitur dicit plane legendo. Per dominum. Et respondeant omnes: Amen.*» (*Ibid. P. 382–384*). («Затем посвящающий возлагает обе руки на голову посвящаемого, говоря: Прими Духа Святого. То же делают и говорят другие епископы по очереди — как те, что держат книгу, так и прочие. ... Когда это совершено, посвящаемый преклоняет колени, и совершающий обряд рукоположения говорит сдержанным голосом, другие же епископы вместе с ним — тихим: ... Господи, вонми гласу моления нашего и подай силы ... склонившемуся пред тобой. ... Затем посвящающий, сложив руки перед грудью, говорит сдержанным голосом ... То, что следует далее, читая, произносит отчетливо. Во имя Господне. И все отвечают: Аминь»). Ср. также: «*Ordo in sabbato sancto*»: «*Deinde dicit mediocri voce super fontes, iunctis manibus ante rectus: Per omnia secula seculorum...*» (*Ibid. P. 590*). («Чинопоследование в Страстную субботу»: «Затем, сложив руки перед грудью и склонившись над купелью, говорит сдержанным голосом: “Во веки веков”...»). Ср., кроме того: «*De ordinatione presbyterii*»: «*In ordinatione itaque procedit hoc modo. Diaconibus enim ad sedes suas reversis, archidiaconus clamat alta voce dicens: Accedant qui ordinandi sunt ad ordinem presbyterii. ... Tunc episcopus ad altare conversus flexis genibus incipiat ante medium altaris alta voce: Alleluia.*» (*Ibid. P. 364, 369*). («О рукоположении во пресвитера»: «При рукоположении действовать следует так. После того как диаконы займут свои места, архиdiaкон восклицает громким голосом, говоря: Подойдите все, кто рукополагается во пресвитеры. ... Затем епископ, повернувшись к алтарю и преклонив колена перед срединной его частью, восклицает громким голосом: Аллилуйя»). Ср. также: «*De examinatione, ordinatione et consecratione episcopi*»: «*Tunc consecrator stans ante cathedram incipit excelsa voce hymnum Te Deum laudeamus.*» (*Ibid. P. 391*). («Об испытании и рукоположении во епископа, а также о его посвящении»: «Тогда посвятитель, стоя перед кафедрой, возглашает гимн “Тебя, Господа, хвалим”»). Ср., кроме того, служебник францисканского ордена: «*Incipiunt orationes divini officii. ... Cum autem perventum fuerit ad lectiones lector petat benedictionem, inclinato capite versus altare, et sacerdos sedens ... mediocri voce eam devote conferat*» (*Van Dijk S. J. P. Sources of the Modern Roman Liturgy. T. 2. Leiden, 1963. P. 339–340*). («Начинаются молитвы священного богослужения. Когда наступает время чтения, чтец, склонив голову к алтарю, спрашивает благословения, а священник сидя ... благочестиво его благословляет сдержанным голосом»).

носимого текста и эмоциями, которые он вызывает. Так, в «Риторике для Герения» говорится, что голос оратора должен обладать гибкостью, быть способным передавать различные эмоции, согласовываться с содержанием речи, меняться в зависимости от того, какая часть речи произносится в настоящий момент²². О соответствии между модуляциями голоса, тематикой и эмоциями речь идет позднее в «Наставлении о стихотворческом искусстве» Гальфрида Винсальвского, причем этот автор подчеркивает: одним способом следует произносить слова печальные, другим — шуточные, третьим серьезные и т. д.²³; можно сказать, что у Гальфрида способ произнесения соответствует определенному стилю, является его эквивалентом. В трактате Альбертано да Брешия «Об искусстве речи и молчания», где правила риторики становятся частью дидактического рассуждения о повседневном речевом поведении христианина, соответствие между способом произнесения и стилем проступает абсолютно явно: о великом, пишет Альбертано, следует говорить с силой, о малом — обыденно, о среднем — сдержанно, «temperate»²⁴. Впрочем, сходство — правда метафорическое — между громкостью декламации и высотой стиля не осталось незамеченным и средневековой поэтикой: так, в «Стихотворческом искусстве» Матвея Вандомского две дамы — Трагедия и Сатира — оглашают округу криками, что иронически указывает на высоту стиля, подобающую этим жанрам.

²² «Cum autem est sermo in narratione, vocum varietates opus sunt, ut, quidque pactum gestus sit, ita narrare videamur: strenue quod volumus ostendere factum, celeriusque dicemus, at aliud otiose, retardabimus; deinde modo acriter, tum clementer, maeste, hilare in omnis partis commutabimus ut verba ita pronuntiationem. Si qua inciderint in narrationem dicta, rogata, responsa, si quae admirationes, de quibus nos narrabimus, diligenter animum advertemus, ut omnium personarum sensus atque animos voce exprimamus (III, 24; <http://scrineum.unipv.it/wight/herm3.htm>). («Когда ведешь рассказ, необходимо придавать голосу самые различные оттенки выразительности и, о чем бы ни шла речь, нужно уметь это передать: если что-либо было сделано решительно, подобает сказать об этом быстрее, если неторопливо — помедлить; страстно, милосердно, величаво, весело — во всех этих случаях вместе со словами следует менять и голос. Если же в рассказе встречаются приказы, вопросы, если хочешь показать, что некто чем-то восхищается, надо так искусно настроить свое сердце, чтобы выразить голосом все чувства и душевный склад людей, о которых говоришь»).

²³ Евдокимова Л. В. Риторика и поэзия в «Искусстве сочинять» Эсташа Дешана // Указ. соч. С. 185–187.

²⁴ См: «Dicenda quoque sunt submissa leniter, matura graviter, inflexa moderate. Quum magna dicimus, graviter proferenda sunt; quum autem parva dicimus, humiliter; quum mediocria, temperate. Nam etiam in parvis causis nihil grande, nihil sublime dicendum est; sed levi ac pedestri more loquendum est. In causis vero majoribus, ubi de Deo vel hominum salute referimus, plus magnificentiae et fulgoris est exhibendum. In comparatis vero causis, ubi nihil agitur, nisi ut auditor delectetur, moderate dicendum est. Sed notandum est quod, quamvis de magnis rebus quisquam dicat, non tamen semper magnifice dicere debet» (*Albertanus Brixiensis. Ars loquendi et tacendi* // Brunetto Latinos Levnet og Skrifter / Ed. T. Sundby. Kjøbenhavn, 1869. P. CXIII). («О том, что незрело, надо говорить тихо; о том, что зрело, — с силой; о том, что клонится к смерти, — сдержанно. Когда говорим о великом, произносим с силой; когда о малом, — обыденно; когда о среднем между ними, — сдержанно. В самом деле, если касаешься малых дел, не стоит придавать голосу величие, но надо говорить на легкий, повседневный лад. Если же речь заходит о великих делах — о Боге или спасении людей — требуется высокопарность и блеск. Когда о чем-то среднем, что должно лишь доставить слушателю удовольствие, нужно, чтобы тон был сдержанным. Но заметь себе: даже если говорится о значительном, речь не всегда должна быть высокопарной»).

В другом месте того же трактата Альбертано, подчеркивая необходимость соответствия между тем, что говорится, и манерой произнесения, особенно настаивает на том, что она должна быть умеренной, благопристойной²⁵. Сходную конфигурацию риторическое учение о произнесении принимает и в некоторых *artes praedicandi*. Так, Фома Чобхем в своей «Сумме об искусстве проповеди», указывая на необходимость соответствия между тоном проповедника и содержанием его речи, пишет, что пастор должен во всем хранить сдержанность — в жестах, мимике, звучании голоса, чтобы не уподобиться гистриону²⁶.

²⁵ «Pronuntiatio est verborum dignitas, rebus et sensibus accomodata, et corporis moderatio. Haec enim intantum excellit, ut, secundum sententiam Marci Tullii, indocta oratio laudem consequatur, si optime feratur: et quamvis expolita sit, si indecenter dicatur, contemptum irrisionemque mereatur. In pronuntiatione itaque primum exerceri debet vocis et spiritus moderatio, corporis et linguae motus. Vitia quoque si qua sint oris, diligenti cura emendanda sunt, ne verba sint inflata vel anhelata vel in faucibus frendentia, nec vocis immanitate resonantia, non aspera frendentibus vel hiantibus labiis prolata; se pressim et aequaliter vel leniter et clare pronuntiata, ut suis quaeque litterae sonis enuntientur, et unumquodque verbum legitimo accentu decoretur, nec immoderato clamore vociferetur, nec ostentationis causa frangatur oratio. Verum pro locis, rebus, causis et temporibus dispensanda est. Nam aliqua simplicitate narranda, aliqua auctoritate suadenda, alia cum indignatione deprimenda, alia miseratione flectenda, ita ut vox et oratio semper suae causae convenient» (*Albertanus Brixiensis*. Op. cit. P. CXII). («Произнесение должно соответствовать достоинству слов, предмету речи и подобающим чувствам; с ним в согласии и должны телодвижения. Произнесение, по словам Марка Туллия, настолько важно, что даже речь неученая заслужит хвалу, если хорошо произнесена, и, напротив, тщательно отделанная, вызовет презрение и насмешку, будучи произнесенной плохо. При произнесении более всего следует добиваться того, чтобы владеть голосом и правильно дышать; нужно также хорошо двигаться и владеть речевым аппаратом. Следует тщательно заботиться о том, чтобы исправить недостатки выговора: пусть слова не сопровождаются придыханием, сопением или хрипами в горле, а также не звучат чрезмерно громко; пусть губы будут не слишком плотно сжаты, но и не раскрыты слишком широко. Пусть слова следуют друг за другом в ровном ритме или произносятся медленно и отчетливо, каждый звук соответствует своей букве, каждое слово несет нужное ударение, и речь не прерывается неумеренными криками и хвастовством. Конечно, надобно принимать во внимание место, в котором речь звучит, ее предмет, причины и время произнесения. Ведь есть то, что надо рассказывать просто, есть то, для чего нужна убедительная важность, есть — для чего нужно непримиримое негодование, бывает, надо вызвать сочувствие, так что звучание голоса и слова должны согласовываться с сутью дела»).

²⁶ «De pronuntiatione. Ponit autem philosophus aliam partem artis: pronuntiationem. Que valde necessaria est predicatori, sicut supradictum est. Est enim pronuntiatio vocis et vultus et gestus moderatio cum venustate. Valde enim inhonestum est cum predicator inhoneste se habet in voce vel in vultu vel in gestu suo. Unde, etiam valde reprobatus est princeps sacerdotum, Mathei XXVI, quia surrexit de tribunali suo et furiosus ait ad Ihesum: nichil respondes ad ea que adversum te testificatur. Et dicit ibi glossa: iratus non invenit locum calumpnie; inhoneste gestu corporis ostendit turpitudinem mentis. Quia enim iudex fuit debuit sedere pacificus et cum tranquillitate iudicare vel interrogare. Debet etiam predicator conformare vocem suam materie de qua loquitur. Ut si utitur comminationibus Dei vel detestatione rerum turpium, debet habere vocem graviorem. Si autem agit de misericordia vel de hiis que pertinent ad misericordiam, debet vocem suam aliquantum attenuare. Si autem agit de rebus terribilibus debet habere vocem aliquantum tremulam et timenti similem.

Valde etiam est necessaria moderantia vultus et gestus, videlicet ut non habeat oculos inflammatos et manus vagabundas admodum pugnantium vel gesticulantium. Sicut legitur in Ecclesiastico XIX: risus dentium et amictus corporis et incessus pedum annuntiant de eo. Et in Ysaia III capitulo: pro eo quod filie Syon ambulaverunt extento collo et nutibus oculorum ibant, et pedibus suis composito gradu incedebant, et cetera.

Весьма любопытно, что то же самое словосочетание — «сдержанный голос» («voix moyenne») — используется и в «Трактате о видении, направленном против “Романа о Розе”» («Traictié d’une vision faite contre Le Roman de la Rose») Жана Жерсона, полемического сочинения, входящего в так называемый «Спор о “Романе о Розе”». Контекст, в котором оно здесь появляется, скорее всего указывает на традицию произнесения, характерную для проповеди; сдержанным голосом изъясняется Теологическая Элоквенция, которая произносит длинный моралистический монолог в защиту целомудрия (и, соответственно, в осуждение Жана де Мена):

Eloquence Theologienne (qui est avocat de la court chrestienne) a la requeste tant de Conscience comme de Chasteté sa bien aimée et a cause de son office, se leva en piés a belle contenance et maniere attrempee ; et par grande autorité et digne gravité, il,	Теологическая Элоквенция (адвокат христианского двора) по ходатайству Совести, а также своей возлюбленной Целомудрия, которой она была намерена служить, восстала со своего места, держа себя со всем достоинством и надлежащим
---	---

Et iterum parturiunt montes nascetur ridiculus mus. Et iterum: quid feret hic tanto digno promissor hyatu? Et iterum in Ysaia XVI: audivimus superbiam Moab, superbus est valde, maior est enim indignatio eius quam fortitudo eius. Valde etiam notandum est quod legitur de David in libro Regum I, XXI capitulo, quod ipse coram rege Anchis affectabat, id est gesticulationes quasdam faciebat, quibus simularet se esse stultum. Unde, manifeste patet quod qui in predicaione tales gestus faciunt, stulti reputantur, et magis videntur esse histriones quam predicatorum» (*Thomas de Chobham*. Summa de arte praedicandi / Ed. by F. Morenzoni (Corpus Christianorum, continuatio medievalis, 82). Turnhout, 1988. P. 301–303). («О произнесении. По словам философа, существует еще одна часть этого искусства, а именно произнесение. Как уже было сказано, проповеднику совершенно необходимо ее изучить. Произнесение есть умение хорошо владеть голосом, выражениями лица и телодвижениями. Вовсе не подобает, чтобы голос проповедника звучал неприлично, равно как чтобы таковыми были выражение его лица и движения. По этой причине достоин величайшего осуждения первосвященник (Мф 26), поскольку встал с седалища своего и гневно сказал Иисусу: “Что же ничего не отвечаешь на то, что они свидетельствуют против тебя?” Здесь говорит глосса: разгневанный не может определить, что обвинение ложно; своими неподобающими движениями первосвященник изобличил безнравственность своего ума. Ведь судья должен сидеть смиренно и со всем спокойствием вопрошать и судить.

Надобно, чтобы голос проповедника соответствовал предмету, о котором он говорит. Например, если упоминает грозного Бога или ненависть к безобразному, голос должен звучать резко. Если заходит речь о милосердии или о том, что к нему относится, тон лучше умерить. Когда вспоминает что-то ужасное, голос должен дрожать, как будто проповедник испытывает страх.

Непреренно нужно, чтобы выражение его лица и жесты были сдержанными: пусть не пылают его глаза, пусть не машет руками, как драчун. Как говорится в Церковной книге [Книга премудростей Сираха], главе XIX: ослабленные зубы, одежда и походка выдают человека. И Исаия в главе III: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью, и т. д. И еще: горы рожают, а что родилось? Смешной лишь мышонок. Опять-таки: чем обещаешь исполнить, разинувши рот столь широко? И снова Исаия в главе XVI: слышали мы о гордости Моава, гордости чрезмерной, негодование которого превосходит силы его. Заметь себе также крепко, что сказано о Давиде в I Книге Царств, в главе XXI, что он изменил лице свое перед царем Анхисом, то есть делал некие телодвижения, чтобы казаться безумным. Отсюда со всей ясностью следует, что если кто захочет такие же телодвижения совершать проповедуя, будет считаться глупцом и во всем уподобится гистриону, но не проповеднику»).

<p>comme saige et bien appris depuis qu'il ot un pou tenue sa face encline bas en guise d'un homme aucunement pensif, se souleva meurement et seriemment, et en tournant son regart a Justice et environ tout son barnaige, ouvry sa bouche, et a voye douce raisonnant et moyenne, tellement commensa sa parole et sa cause...²⁷</p>	<p>спокойствием. А затем, как дама разумная и исполненная учености, подняла свой лик с уверенностью, достойной серьезностью и истинной зрелостью, — каковой лик она вначале некоторое время держала склоненным долу, как бы пребывая в задумчивости. И обратив свой взгляд в сторону Справедливости и ее слуг, отверзла уста, и так начала излагать свое дело голосом, звучащим мягко и сдержанно...</p>
--	--

Сочинение Жерсона датируется 1401 г., поэма Дешана написана полугодом раньше. Однако известно, что Жан де Монтрей, другой участник «Спора о “Романе о Розе”», добивался того, чтобы некий прославленный поэт выступил на его стороне, и имя Дешана называлось в этой связи²⁸. Возможно, таким образом, что термин «сдержанный голос» был в ходу в литературной среде, к которой принадлежал Дешан, и ассоциировался со средним, то есть нейтральным, стилем и дидактическим содержанием.

Несмотря на иронический тон поэмы, по-видимому, нельзя утверждать, что Дешан отвергает то литературное учение, которое в ней изложено. Вероятно, ирония, с которой описывается здесь писательское ремесло, обусловлена, в первую очередь, тем, что поэт обращается к литературному сообществу друзей, имевшему амбивалентный характер и сочетавшему шутовство и серьезность, подобно другим средневековым артистическим ассоциациям. Эта традиция, питавшаяся представлениями о поэте-шуте, за «глупостью» и «безумием» которого скрывается «мудрость», не исчезнет и в эпоху Возрождения; Дешан и сам выстраивал свой образ в соответствии с такой маской.

В балладе № 43 Дешан характеризует — опять-таки в ироническом ключе — сходную градацию модусов речи, которые, как нам представляется, также подобны стилям: многословие и крик, с одной стороны, тихая речь и молчание — с другой, противопоставляются «сдержанной», «размеренной» и «искусно построенной» речи, которая получает наивысшую оценку. На возможность отождествления этого противопоставления с градацией стилей указывают, среди прочего, слова «искусно построенная»; глагол «ordonner» (и соответствующее ему причастие «ordonné») использовался в значении «сочинять в соответствии с правилами», в частности в «Прологе» Гильома де Машо и других метапоэтических контекстах²⁹. Как и у Альбертано да Брешия, высота стилей соотносится у Дешана с

²⁷ *Jean Gerson*. Traictié d'une vision faite contre Le Roman de la Rose // Le débat sur le «Roman de la Rose». Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col / Ed. E. Hicks. Genève, 1996. P. 66. Ср. упоминание этого термина в статье: *Cerquiglini-Toulet J.* Conscience de style, conscience de soi chez Christine de Pisan // Кентавр. *Studia classica et medievalia*. 2010. № 7. P. 142.

²⁸ *Hicks E., Ornato E.* Jean de Montreuil et le débat du Roman de la Rose // *Romania*. Т. 98. 1977. P. 207–210.

²⁹ См.: *Dictionnaire du Moyen français en ligne*: <http://www.atilf.fr/dmf/>: ordonner.

силой голоса: крик, сдержанная и тихая речь соответствуют высокому, среднему и низкому стилю. С Альбертано да Брешиа Дешана сближает и упоминание молчания как одной из составляющих коммуникативной ситуации. В данном случае описание этих речевых стратегий — часть сатирической картины общества; поэт утверждает, что в современном ему мире законы, которые регламентируют речевое поведение, утратили смысл и изменили значение.

<p>Dolentement, en douleur deperee, Triste de cuer, sanz joie et sanz soulaz, Voy un chascun, ne creature nee Au temps qui est ne voy fors dire: helas! Guerre et tourment, riotes et debas, Prendre et ravir, ce c'om ne suelt pas* faire; Convoitise a partout tendu ses las: Lequel vault mieulx: ou parler, ou soy taire?</p> <p>Par trop parler est haine engendree, Et en pert on du sien en plusieurs cas; Le dire voir a mainte gens n'agree, Et qui le dit, il convient parler bas. Qui trop se taist, on ne lui donne pas, Mais lui toult l'en; lors fault crier et braire. Muiaux n'ont rien; sachiez aux advocas Lequel vault mieulx: ou parler, ou soy taire?</p> <p>Soit sur ces deux vo sentence donnee. — Tresvoulentiers: parler fault a compas, Ne trop ne pou, par maniere ordonnee; Ou il fait dur, qu'on eschive le pas, Qu'om soit muyau, tant c'om ne die: las! Par trop parler, aussi par le contraire. Quant temps sera, lors parole diras Lequel vault mieux: ou parler, ou soit taire? (t. I, p. 129–130).</p> <p>[*Так в издании, что не имеет смысла. Предлагаем исправить: c'om ne seult que; переводим по этой конъектуре.]</p>	<p>В безутешном горе и страдании, С омраченным, безрадостным сердцем Ныне смотрю на всех, на всякую тварь, И лишь восклицаю: «Увы!» Раздор и вражда, свары и ссоры, Воровство и разбой, — вот что только и происходит; Любостяжание расставило сети повсюду. Что лучше: говорить или молчать?</p> <p>Говорливость рождает ненависть, Наговоришь много — можешь растерять свое добро; Правда людям не по душе, Говори тихо, коли говоришь правду. Тот, кто помалкивает, останется ни с чем, Все у него отберут, тогда будет кричать и вопить во весь голос. У тех, кто в рот воды набрал, нет ничего-шеньки; итак, спросите у третейских, Что лучше: говорить или молчать?</p> <p>Об этих двух возможностях скажите ваше слово. — Преохотно: говорить надо с умеренностью, Не слишком много, но и не мало, искусно построив речь; Иначе будет худо; есть темы, которых лучше избегать Да помалкивать, не то воскликнешь: «Увы!», Поскольку наговорил много или чего-то недосказал. Наступит время, и ты решишь, Что лучше: говорить или молчать?</p>
--	---

Есть у Дешана и еще одна трехчленная конфигурация стилей — о ней речь идет в его любовной балладе № 417. Отражающаяся здесь иерархия стилей основана на иных принципах, нежели в двух рассмотренных случаях; Дешан, судя по всему, испытывает влияние других учений о слове и стилях.

<p>Belle, blanche, blonde, agreable, Jeune et gente, de tous biens aournee, Saige en voz faiz, treshumble et honnorable, De chascun est vo maniere loee, Vostre bon nom va en mainte contree, Pour vo grant bien vous desire tout homme Veoir souvent, jugeant par renommee Telle dame estre emperereis de Romme.</p>	<p>Дама прекрасная, белоликая, светловолосая, любезная взору, Младая и благородная, наделенная всеми добродетелями, Целомудренная в поступках, смиренная, всеми чтимая, Все хвалят ваш добрый нрав, Повсюду славится ваше доброе имя, Всякий муж ради ваших достоинств желает Как можно чаще вас видеть, зная о вашей славе и веря: Такова царица Рима.</p>
<p>Car vous avez la maniere acointable, Doulce et plaisant, qui pas ne se desree, A genz d'onneur la parole amiable, Et aux moyens maniere entremellee; Rien ne faictes qui aux povres n'agree, Vostre humble vould les orgueilleux consomme; Tous souhaitent, tant estes bien amee, Telle dame estre emperereis de Romme (t. III, p. 220–221).</p>	<p>Ведь знакома вам нужная мера в радушии, ласке, любезности: К людям чести обращаете учтливое слово; Со средними — беседуете в смешанной манере, Ничего не сделаете, что могло бы не нравиться бедным; Ваш смиренный лик укрощает надменных, Стой любимы вы всеми, что все твердят в один голос: Такова царица Рима.</p>

Речь дамы здесь меняется в зависимости от адресата: одним образом она говорит с «людьми чести», иным — с людьми среднего состояния; третий член градации очерчен менее определенно: по-видимому, это «бедный люд», который, как и другие сословия, остается доволен «обращением» героини Дешана. Описанные здесь речевые стратегии напоминают систему стилей в тех средневековых версиях риторики — письмовниках, искусствах проповеди, — где стиль ставился в зависимость от коммуникативной ситуации: социального статуса говорящих и уровня их образования. Такая система стилей определяет структуру трактата Андрея Капеллана «О любви»: здесь приводятся любовные диалоги крестьянина и крестьянки, крестьянина и благородной дамы, благородного мужа и крестьянки, — всем им подобает беседовать и вести себя друг с другом различным образом, полагает автор. Быть может, Дешан вспоминал именно об этом последнем трактате, восхваляя умение своей дамы менять манеру речи в зависимости от сословной принадлежности собеседника. Эта возможность тем более велика,

что баллада № 417 входит в раздел любовных и, таким образом, дополнительно сближается с этим трактатом тематическим контекстом³⁰. Возможны здесь, конечно, и другие источники: о значении подобной коммуникативной риторики для Дешана и его ближайшего окружения свидетельствует уже упоминавшийся трактат Жерсона, в котором Теологическая Элоквенция осуждает Жана де Мена за то, в частности, что тот не знает следующих правил риторики:

<p>Mais je reprans mon propos et dy que se le personnaige de Raison eust parlé a sage clerck et rassis, aucune chose fust. Mais non! il parle a Fol Amoureux. Et ucy garda mal l'acteur les riegles de mon escolle (les riegles de la rhetorique) qui sont a regarder cil qui parle et a qui on parle, et pour quel temps on parle. (Op. cit. P. 84–85).</p>	<p>Итак, возвращаясь к тому, о чем я уже вела речь, скажу, что если б Разум говорил с мужем ученым и уравновешенным, это бы еще ничего. Но нет! Он ведет беседу с Безумным Влюбленным. И здесь видно, что автор не следовал правилам той школы, где я училась (сиречь правилам риторики), согласно которым надо обращать внимание на то, кто говорит и с кем, и в какое время он держит речь³¹.</p>
--	--

Упоминание «смешанной манеры» в качестве одного из звеньев этой градации заслуживает, на наш взгляд, отдельного комментария. В самом деле, что здесь имеется в виду? Вообще говоря, смешение различных элементов, относящихся как к тематике, так и к языку, на протяжении почти всего Средневековья рассматривалось как недостаток речи³². В этом отношении средневековые поэтики и риторики наследуют одной из античных традиций, отразившейся, в частности, в «Риторике для Геренния»: средний стиль, говорится здесь, оказывается

³⁰ Издание Андрея Капеллана : http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost12/Capellanus/cap_a16d.html

³¹ Правила, о которых пишет Жерсон, в высшей степени похожи на те, о которых речь идет в самом начале трактата Альбертано да Брешия:

<p>ideo ego, Albertanus, brevem doctrinam super dicendo atque tacendo, uno versiculo comprehensam, tibi filio meo, Stephano, tradere curavi. Versiculus hic est: Quis, quid, cui dicas, cur, quomodo, quando, requiras.</p>	<p>Итак, я, Альбертано, позаботился о том, чтобы преподать тебе, сын мой Стефан, краткое учение о речи и молчании, заключенное в один-единственный стих. Стих этот таков: кто, что, кому скажешь, по какой причине; думай также: каким образом и когда.</p>
---	---

³² «Sunt igitur tres styli, humilis, mediocris, grandiloquis. Tales recipiunt appellationes styli ratione personnarum vel rerum de quibus fit tractatus. Quando enim de generalibus personnis vel rebus tractatur, tunc est stylus grandiloquus; quando de humilibus, humilis; quando de mediocribus, mediocris» (*Geoffroi de Vinsauf*. Documentum de arte versificandi // *Faral E*. Les arts poétiques du XIIe et du XIIIe siècle: recherches et documents sur la technique littéraire du Moyen Age. Paris (Bibliothèque de l'École des hautes études. Sciences historiques et philologiques, 238), 1982. P. 312). («Есть три стиля: низкий, средний, высокий. То или иное название стиль получает в зависимости от того, о каких персонажах и предметах ведется речь в произведении. Если речь о важных персонажах и предметах, стиль высокий; если о низких — низкий; если о средних — средний»). Вместе с тем каждому из стилей присущ свой словесный строй. Из рассуждений Гальфрида следует, что высокий стиль в его перспективе — метафорический и темный (поскольку недостаток этого стиля — чрезмерная метафоричность); низкий — слишком простой; а средний — сбивающий с своего пути.

«порочным», когда речь сбивается «то туда, то сюда», — как можно понять, заимствуя элементы то из более высокого, то из более низкого регистра³³. Именно так, судя по всему, толкует это место из «Риторики для Геренния» Гальфрид Винсальвский³⁴. Этот последний автор уделяет несколько параграфов в своем «Наставлении о стихотворческом искусстве» рассуждению о том, что нельзя смешивать стили; начав писать в одном стиле, следует далее его держаться³⁵. Сходным

³³ «Qui in mediocri genus orationis profecti sunt, si pervenire eo non potuerunt, errantes perveniunt ad confine genus eius generis, quod appellamus dissolutum, quod est sine nervis et articulis, ut hoc modo appellem fluctuans eo quod fluctuat huc et illuc nec potest confirmate neque viriliter sese expedire (IV, 16)» («Rhétorique à Herennius» / Texte établi et traduit par G. Achard. Paris, 1989. P. 144). («Те, кто желают писать в среднем стиле, но им не владеют, заблуждаясь, обращаются к тому, который граничит со средним и который мы называем “расшатанным”, поскольку он лишен собственных черт и характеристик; называем его также сбивающимся, поскольку он сбивается то туда, то сюда»).

³⁴ «Dissolutus et fluitans est ille qui nescit tenorem mediocris styli observare, id est qui nescit observare proprietates mediocrium personarum vel rerum, sed ita loquitur quandoque de mediocribus sicut loquendum est de humilibus, quandoque vero sicut loquendum esset de grandibus personis, vel de grandibus rebus, et ita, quia nescit tenere in medio et stylum suum moderari, dissolvitur et fluit, tum inferius ad humilem stylum, tum superius ad grandiloquum stylum» (*Geoffroi de Vinsauf*. Op. cit. P. 313). («Расшатанным и сбивающимся стилем пишет тот, кто не умеет удержаться в границах среднего, иначе, не умеет должным образом говорить о персонажах среднего состояния и средних предметах, но иногда говорит о них так, как следует говорить о важных людях и предметах, и, как бы не умея держаться в середине и писать нужным стилем, расшатывает его и сбивается со своего пути, направляясь то ниже — к низкому, то выше — к высокому»).

³⁵ «Tertio considerandum est ut stylum materiae non variemus, id est ut de grandiloquo stylo non descendemus ad humilem. Quod notat his verbis:

amphora coepit

Institui currente rota: cur urceus exitur?

Contrariam sententiam potestis ex hoc intelligere, scilicet hanc: Urnula coepit institui currente rota: cur amphora proditur? ... Si utaris mediocri, ne stylus tuus sit dissolutus et fluitans, id est ne declinet ad grandiloquum vel ad humilem, sed semper suo modo mediocriter se teneat proprietatem mediocrium personarum vel rerum observando. Et si ita feceris, sic erit stylus tuus simplex, quia non erit ipsi vitium implicitum; sit etiam stylus tuus unus, id est non varietur, quia, si quis variet stylum suum et permisceat diversos stylos in materia, idem est ac si permisceat impertinentia. Quod vetat Horatius his verbis:

Qui variare cupit prodigaliter unam

Delphinum silvis appingit, fluctibus aprum (*Geoffroi de Vinsauf*. Op. cit. P. 315–316). («В-третьих, надо принять во внимание, что стиль не следует менять, то есть от высокого не надо переходить к низкому. О чем сказано такими словами:

Ты работал амфору

И вертел ты, вертел колесо, — а сработалась кружка.

Исходя из этого, можно составить и противоположное утверждение, а именно: Ты начал работать урну, вертя колесо, а получилась амфора. ... Если воспользуешься средним стилем, пусть он не будет расшатанным и сбивающимся, то есть пусть не сбивается на высокий или низкий, но все время на свой собственный лад держит середину, не изменяя свойства средних персонажей и предметов. Если так поступишь, твой стиль будет простым и свободным от недостатков; он будет также единым, то есть не будет меняться, — тот, кто меняет стиль или смешивает стили в рассказе об одном и том же предмете, соединяет то, что между собой не связано. А именно это запретил делать Гораций в следующих словах:

Этот, любя чудеса, представляет в лесу нам дельфина,

Вепря плывущим в волнах»).

образом и Жофре де Фуаша, автор каталонской грамматики и поэтики XIII в., советует сочинителям не смешивать в стихотворении разные темы и наречия, но «держаться единой манеры» (под последней подразумевается избранный размер или строфа)³⁶.

Однако в той же «Риторике для Геренния» раздел о стилях завершается замечанием о том, что оратор должен переходить от одного стиля к другому, чтобы не наскучить слушателям. Другие античные авторы (Гораций в «Искусстве поэзии», Цицерон в трактате «Оратор») также развивают учение о необходимости смешивать стили. У Квинтилиана эта доктрина обретает наиболее развернутый и аргументированный вид: так, существует некий промежуточный «смешанный стиль», соединяющий свойства высокого и низкого, который служит для выражения множества оттенков; оратор должен варьировать стиль, приспособляясь к требованиям момента³⁷. Оба упомянутых трактата — «О наставлении оратора» Квинтилиана и «Оратор» Цицерона — в Средние века были известны фрагментарно; учение о необходимости варьировать стиль распространилось на Западе в основном в XV в. и далее стало особенно важным в эпоху Возрождения³⁸. Тем не менее и в XIV в. смешение стилей порой приобретало положительную коннотацию — например, в некоторых произведениях Петрарки: чтобы восславить Лауру, пишет он, Вергилий и Гомер должны были бы смешать свои стили (сонет CLXXXVI)³⁹.

Итак, можно предположить, что у Дешана здесь накладываются друг на друга разные учения о стиле: с одной стороны, трехчленная градация стилей в ее коммуникативной версии, с другой — «смешанная манера», сообразно новейшим веяниям, идущим из Италии, уже не порок речи, это аналог среднего стиля.

Многие стихотворения Дешана не дают оснований полагать, что он описывает трехчленную градацию стилей; как кажется, он имеет в виду их бинарную оппозицию. К таким стихам — как любовной, так и дидактической тематики — мы относим те, где так или иначе упоминается «прекрасная речь», под которой Дешан подразумевает, по-видимому, речь риторически украшенную и отделанную. Этот выразительный план неизменно получает у него отрицательную оценку, рассматривается как универсальное орудие лжи⁴⁰; он пишет, на-

³⁶ Meyer P. *Traité catalans de grammaire et de poésie* // Romania. T. 9. 1880. P. 51–70; особенно p. 54–55.

³⁷ «О воспитании оратора», XII, 10. См. также: Gallyn-Hallyn P., Dietz L. *Le style au Quattrocento et au XVIe siècle* // Poétique de la Renaissance. Le modèle italien, le monde franco-bourguignon et leur héritage en France au XVIe siècle. Genève, 2001. P. 532–565.

³⁸ Gallyn-Hallyn P., Dietz L. *Op. cit.*

³⁹ «Se Vigilio et Omero avessin visto / quel sole in qual vegg'io con gli occhi miei / tutte lor forze in dar fama a costei / arian posto, e l'un stil coll'atro misto» («Когда б Гомер великий и Вергилий / Узрели ту, что ярче всех светил, / Ее воспели б не жалея сил, / В единый стиль свои сливая стили», пер. А. Ревича).

⁴⁰ № 1362; «Mais au jour d'ui qui scet faindre et polir / Ses mos couvers et taire son vouloir, / Faire semblant de povreté souffrir, / De biau parler, de bien ramentevoir, / Adonc fera plusieurs gens esmouvoir, / Par son venin couvertement mesler / Avec le miel et en la foy errer, / Tant qu'en la fin la grant mauvestié s'euvre / Par croire tost sanz le voir esprouver: / Fy de semblant, se dedenz n'a bonne euvre ! — Princes, qui veult droicte voye tenir, / Vaine gloire doit en son cuer pugnir; / Presumpcion d'estre bon ne recuevre; / S'il est mauvais, que vault son abstenir? / Car au derrain lui fault honte

пример, о «поддельных красках», судя по всему, имея в виду «краски риторики» (№ 33)⁴¹.

В балладе № 1363, помимо «прекрасных слов», упомянут другой термин средневековой литературной теории, и, в частности, учения о стиле: «низкая материя», названная также «безобразной». Судя по ее заголовку, Дешан обращается здесь к Рено Анженскому (1379–1415), советнику и камергеру Карла VI⁴², однако в ее послышке прямо упомянут другой человек со сходным именем — Ренье де Три. По-видимому, заголовок ошибочно отождествляет подлинного адресата баллады — Ренье де Три с Рено Анженским. В самом деле, баллада Дешана, как кажется, отвечает на стихотворение Ренье де Три, которое в свою очередь входит в «Ответ» (1389) на сборник «Сто баллад», который приписывается Жану Сенешалю и нескольким другим авторам. «Сто баллад» представляют собой пространный диспут кавалера и дамы: первый — сторонник верности в любви, вторая защищает ветреность. Сочинители, чьи стихотворения составляют «Ответ», присоединяются или к первому, или ко второму мнению. Ренье де Три объявляет себя сторонником Гиньярды, то есть дамы⁴³. Стихотворение Дешана — крайне

venir: Fu de semblant, se dedenz n'a bonne euvre!» (t. VII, p. 200). («Сейчас тот, кто горазд на выдумки, / Чьи лживые слова прельщают красивой отделкой, / Кто умеет скрывать, к чему стремится, / И прикидываться, будто страдает от бедности, / Своими красноречивыми словами и неустанными напоминаниями / Расстрогает многих людей, / Ловко подмешивая к меду яд и привирая, / Так что зло сделает свое дело, / Заставив поверить в небылицы: / К чему же видимость, под которой не скрыта добрая сущность? — Князь, кто желает идти прямым путем, / Должен изгнать из сердца тщеславие; / Пусть не прячется под притворным желанием добра. / Если сам по себе он дурачье, чего это стоит? / Под конец не оберешься стыда. / К чему же видимость, под которой не скрыта добрая сущность?»).

⁴¹ «Pluseurs veulent parler d'amours / Et chascuns dit qu'il veult amer / Mais maint homme voy qui a mours / Plus douteus que n'est flos de mer ... / Princes, je ne voy que faulx tours, / Et parler de fainctes coulours...» (t. I, p. 33). («Многие желают говорить о любви, / И каждый твердит, что хочет любить; / Но немало знаю людей, чей нрав внушает такой же страх, что и волны морские ... / Князь, повсюду одни лишь подвохи, / Любая речь расцвечена поддельными красками...»).

⁴² Стихотворение озаглавлено *Sote balade de Messire Renault d'Angenne* (t. VII, p. 201). В базе данных Opération Charles VI (<http://www.vjf.cnrs.fr/charlesVI/>), помимо этого вельможи, зарегистрирован под тем же именем и почти с теми же датами жизни и участник так называемого Двора любви Карла VI, созданного в 1400 г.; возможно, полагают создатели базы данных, что речь идет об одном и том же лице.

⁴³ «Les Cent Ballades, poème du XIVe siècle», composé par Jean Seneschal avec la collaboration de Philippe d'Artois, comte d'Eu, de Boucicaut le jeune et de Jean de Cresecque / Ed. G. Renaud. Paris, 1905. О Ренье де Три (Renaud de Trie; в тексте баллады Дешана: Regnault) см. предисловие к указ. изд., p. LVII–LIX. Приводим его стихотворение: «Je vous merci doucement / Entre vous III compaignons, / Quant il vous plaist aucunement / Oïr de mes oppinions / Sur les debaz que beaux et bons / Mist en termes le bon Hutin, / Qui tant ama; mais a la fin / Le vy pour Amours si destroiz / Que visaige pales et frois / Portoit par tristesse musarde. / Pour ce vous dy qu'a ceste fois / Je me tendray a la Guignarde. — Car il me semble vraiment / Que moult y a bonnes raisons; / Car s'un amoureux voit souvent / Belles dames de grans renoms, / Et il emploie ses saisons / A les servir tart et matin, / Tendrant tousjours a bonne fin, / Il en sera trop plus courtois, / Et plus prisee, c'est bien drois. / Sera sa maniere gaillarde: / Pour ce, vous dy qu'a ceste fois / Je me tendray a la Guignarde. — Mais quant on est en son jouvent, / Je ne dy pas qu'il ne soit bons / D'amer de joieux sentement / En lieu seul; mais li guerredons / Ne veul pas que soit si felons / Comme fu cil de Quehedin, / Qui en mourut. De tel butin / Quitte ma part en tous endrois / A qui la veult, et je m'en vois / Tout droit a la

резкая, насыщенная обценной лексикой хула. По его словам, Ренье утверждает не умолкая о низких предметах, — эти стихи явно перекликаются с балладой Ренье, уверяющего, что надо добиваться любви всех красавиц без исключения. Дешан осыпает его ругательствами, обвиняя в первую очередь в том, что он пользуется «прекрасными словами», чтобы говорить о подлой и низкой материи. Тем самым Дешан оспаривает самую суть куртуазной поэзии: ее предмет низок, тогда как слова, которыми изъясняются поэты, красивы и возвышенны; значит, они не соответствуют предмету. Дешан настаивает на необходимости соблюдения декорума: низким предметам подходят низкие слова, тогда как высокие, «прекрасные» слова предполагают иную, подобающую им тему.

<p>De melin meleche, Regnault, Et de l'orde matere basse Parlez volentiers bas et hault Aux dames et en toute place, D'estront, de bran ou de poitrace De lechier le boyau cullier Melin devant, leche derrier! En tel trou fussiez vous repos! Boutez vo nez en ce bourbier: En vostre bouche a de bos mos!</p>	<p>Ренье, вы там громко рассуждаете при дамах О чистейшем говне, об отвратительных низких предметах, нашептываете и кричите повсюду, О всякой дряни и гнили, О том, что льется из задницы, Так-то оно желто, а ты его на вкус попробуй! Вас самих бы надо запихнуть в эту вонючую дыру! Суньте-как туда свой нос! Что за прекрасные слова у вас во рту!</p>
<p>Merde par la gueule vous sault; Mieux restoupez vostre besace Et vostre cul qui est herault. Faictes retraindre sa crevace: Tousjours poit, vesse et se soulace De faire truies approchier, Et se sent par tout au flairier,</p>	<p>Из вашей глотки льются нечистоты, Покрепче заткните ее, Ваш зад трубит вовсю как герольд, Закупорите дыру, Воняет и смердит На всю округу, Как будто свиньи собралась,</p>

Joiuse Garde. / Pour ce, vous dy qu'a ceste fois / Je me tendray a la Guignarde». (Ibid. P. 201–202). («Премного буду благодарен вам, / Четверо друзей, / Если соблаговолите / Выслушать мое мнение, / Об интересном и полезном споре, / — Том, что затеял славный Ютен, / Который весьма сильно любил, / Однако под конец так досталось ему от любви, / Что он весь поbledнел и похолодел, / Несчастный простофиля. / И потому скажу вам: / Я держу сторону Гиньярды. — Мне и в самом деле кажется, / Что для такой позиции есть много оснований. / Ведь если кавалер часто видит / Красивых и преславных дам / И служит им все время / С утра до вечера, / Стремясь добиться лучшего, / От этого он станет только благороднее / И по праву заслужит больше похвал. / Так пусть остается весельчаком! / И потому скажу вам: / Я держу сторону Гиньярды. — Не стану спорить: / Когда ты молод, / Неплохо со всей преданностью / Любить одну-единственную возлюбленную, / Но награда не должна быть столь ничтожна, / Как та, что досталась Каэдину, / Который от того и умер. Такую добычу / Сейчас же отдам любому, кто только пожелает ей завладеть, / А сам сей же миг отправлюсь в замок Веселой Стражи. / И потому скажу вам: / Я держу сторону Гиньярды»).

<p>... En vostre bouche a de bos mos! ... Dames, mauvais feroit couchier Avecques ce bon chevalier Regnault de Trie, qui n'ot clos Le cul depuis un an entier; Dictes lui: «D'ordures rentier, En vostre bouche a de beaux mos!» (t. VII, p. 201–202).</p>	<p>... Что за прекрасные слова у вас во рту! ... Дамы, не стоит отправляться в койку С таким хорошим кавалером Ренье де Три, который вот уж год Не затыкал дыру в своей жопе; Скажите ему: «Владелец нечистот, Что за прерасные слова у вас во рту!»</p>
--	--

Градации стилей, о которых шла речь выше, находят отражение в поэтической практике Дешана. При этом трехчленная градация имеет тенденцию к упрощению и может преобразовываться в противопоставление двух стилей. Две первые рассмотренные нами системы стилей — в сущности сходные друг с другом — по-видимому, позволяют соотнести часть стихотворений Дешана с высоким стилем, часть — со средним. Среди стихотворений первого рода окажутся в таком случае те «моральные баллады», тон которых более или менее явно охарактеризован поэтом как повышенный, громкий: поэт объявляет, что кричит, рыдает, стенает, как, например, во многих плачах, написанных либо на кончину известных людей, либо в связи со всевозможными трагическими событиями. Среди стихотворений среднего стиля окажутся, напротив, те, в которых поэт не отдается негодованием, скорби или каким-либо сильным эмоциям, но обращается к своему читателю или адресату с размеренной, нравоучительной речью. С такой интонацией согласуются некоторые темы (например, восхваление разума, осторожного и осмотрительного поведения, правил, которыми следует руководствоваться в каждом деле и т. п.). Некоторые стихотворения такого рода впрямую названы «поучениями». Оппозиция высокого и среднего стиля может быть представлена, к примеру, балладой № 46, в которой Дешан скорбит из-за кончины епископа Бове⁴⁴, и балладой № 99 — одним из «поучений князю». Это последнее стихотворение в очередной раз подтверждает, что Дешан читал «Политику» Аристотеля в переводе Николя Орема: в его рефрене упоминается Аристотель, который вел с Александром Македонским поучительные беседы; о беседах между философом и монархом говорится в прологе Орема к переводу «Политики». Наставляя монарха в добром правлении и далее ссылаясь на Аристотеля и Александра, Дешан уподобляет себя философу⁴⁵. Что

⁴⁴ Баллада № 46: «le pais de Champagne / Plourer devoit et crier tousjours mais...» (t. I, p. 133). («Вся Шампань должна б отныне и вовеки / Рыдать и голосить...» [на смерть Милля де Дормана, епископа Бове, 17 августа 1387 года]; ср., кроме того: балладу № 141: «Parfondement me doy plaindre et plourer, / Et regreter des IX preux la vaillance, / Car je voy bien que je ne puis durer...» (t. I, p. 266). («Буду глубоко горевать и рыдать, / Сожалея о доблести девяти героев»).

⁴⁵ Баллада № 99: «Amez les bons, donnez aux souffraitteus, / Soiez larges ou il appartendra, / Durs aux mauvais et aux povres piteus, / Et restraingnez quant temps le requerra; / Saichiez a qui vostre don se fera / Et ce cilz a desservi pour l'avoir; / Du bien commun faictes vostre devoir: / A ce devriez sur toutes choses tendre, / Car tous ces poins fist jadis assavoir / Aristote au grant roy Alixandre» (t. I, p. 208–209). («Возлюбите добрых, наделяйте страждущих, / Будьте щедры, если надо, / Со

касается низкого стиля, то он в этой системе, по-видимому, не репрезентирован. Эта градация стилей сводится, таким образом, к бинарной оппозиции высокого и среднего.

Напротив, все звенья системы стилей, о которой Дешан говорит в балладе № 417, кажется, находят соответствия среди его любовных стихотворений. К высокому стилю относятся те, которые укладываются в языковое и стилистическое поле так называемого аристократического регистра. Примером может служить фиктивный диалог: две баллады, которыми обмениваются расстающиеся влюбленные. И в том, и в другом случае Дешан несколько не отступает от этого регистра. Кроме того, на высоту стиля в первой балладе дополнительно указывает жанровая номинация «плач» (плачи Дешана, как мы уже отметили, принадлежат к высокому стилю); во второй дополнительным маркером стилистической высоты служат эпитеты в превосходной степени: их использует дама, прощающаяся со своим возлюбленным. Именно так — с помощью эпитетов в превосходной степени — советовали обращаться к высокопоставленному корреспонденту писемницы.

Adieu, adieu, tresdoulce creature, Adieu, mon bien, m'esperance et m'amour, Adieu, biauté, toute parfaite et pure, Adieu, gent corps, adieu, dame d'onour, Adieu, regart plain de toute douçour, Adieu, adieu, franc cuer et plain de joye: Je n'aray bien jusques je vous revoye. Or vueille Amour, Pitié, Raison, Droiture, Desir, Plaisir, Espoir, Sens et Valour,	Adieu le bel, le bon, le gracieux, Le noble cuer, de tous bien renommé, Gens corps, puissant en tous fais, vertueux, Humble, hardy, courtois et bien amé, Larges en dons, Alixandre nommé, De qui renoms et gentillesce estrive, Adieu, adieu, l'un des meilleurs qui vive! Pour vo depart est mes cueurs douloureux Qui au vostre est parfaitement fermé,
--	--

злыми будьте суровы, с бедными — милостивы; / Умерьте расходы, когда потребно; / Знать вы должны, кому преподнесите дар, / И заслужен ли он. / Поступайте к общему благу; / Вот к чему стремитесь сильнее всего. / Именно так Аристотель / Наставлял великого Александра». Ср., кроме того, балладу № 76: «L'entendement est de l'ame salus, / Et de vices le souverain regart; / L'entendement est garde des vertus: / Par ce mirouer, homs des maulx se depart, / Les vices fuit, aux biens trait de sa part; / C'est le desir de bonne renommee: / Que qui la suit, il sera, tempre ou tart, / Noms glorieus de fait et de pensee» (t. I, p. 177). («Разум есть спасение души, / Надежный оплот от пороков, / Страж добродетелей; / Глядя в это зеркало, человек отрешится от зла, / Научится бежать пороков, стремиться к добру / И желать доброй славы. / Кто вооружится разумом, рано или поздно / Прославится делами и добрыми мыслями»). Ср. также баллады, в которых Дешан (как и в № 99) обращается с поучением к монарху; так, № 50: «L'en doit mettre gens aprins es offices, / En chascun art qui saichent gouverner, / Bons et loiaux, non aprantis et nices, / Car puellent trop a aprendre couster / Au souverain, ses estas rebouter; ... / Regle tenir et la non exceder, / Fait de tous biens avoir perseverance, / Le rebours non; chascun doit esperer, / Qui ainsi fait, il prant bonne ordenance» (t. I, p. 139–140). («На службу надо принимать людей обученных / Во всех искусствах, тех, кто умеет управлять, / Хороших и преданных, — а не неопытных учеников; / Иначе государю их обучение обойдется дорого / И трудно будет держать в порядке дела; ... / Итак, соблюдай правила, не отступай от них, / Стремись к добру, — не в иную сторону; / Кто поступает так, действует по доброму указу»). Отметим, что Дешан может и смеяться над возможностями нравоучительной, разумной речи, представленной в упомянутых выше балладах; стиль таких баллад кажется скорее низким (так в балладе № 100).

<p>Doulx Souvenir, veoir ce que j'endure Et concevoir mon tresdouleureux plour (№ 515; t. III, p. 347).</p>	<p>Comme au meilleur et au plus amoureux Et le plus vray qui oncques feust formé; N'estre de vous ne peut plus bel armé Ne que chascun plus volentiers poursuive; Adieu, adieu, l'un des meilleurs qui vive! (№ 516; t. III, p. 348)</p>
<p>Прощай, прощай, сладчайшее создание, Прощай, мое благо, надежда, любовь, Прощай, совершенная и чистейшая краса- ота, Прощай, прекрасный стан, прощай, честная дама, Прощай, взгляд, исполненный сладости, Прощай, благородное и беспечальное сердце, Покуда не увижу вас вновь, не жду ниче- го благого. ...</p>	<p>Прощай, прекрасный, добрый, любез- ный, Прощай, благородное сердце, повсюду стяжавшее славу, Прощай, стройный и крепкий стан, Прощай, мощный в делах, смиренный, отважный, учтивый, всеми любимый, Прощай, по щедрости равный Александ- ру, Чья слава состязается с благородством, Прощай, лучший из всех на свете !</p>
<p>Пусть Любовь, Милость, Разум, Спра- ведливость, Желание, Услада Благоразумие, Достоинство, Сладкое Воспоминание узрят мои страдания, Пусть поймут, сколь горек мой плач.</p>	<p>Разлука томит мое сердце, неразрывно соединенное с вашим, — Превосходным, полным любви и самым правдивым из тех, что живут. Никто лучше вас не носит оружие, Никто не умеет лучше преследовать врага! Прощай, лучший из всех на свете!</p>

К среднему стилю в этой системе, напомним, относятся стихотворения «смешанной манеры» — те, мы полагаем, в которых поэт отступает от куртуазного регистра, используя более конкретную, сниженную лексику. Иногда конкретные значения вносятся рефреном, представленным пословицей, тогда как основная часть строфы выдержана в куртуазных тонах (баллада № 490); иногда, напротив, строфы насыщены конкретной лексикой, а рефрен использует куртуазную формулу (баллада № 544).

<p>J'ay en amours si grant desir eu C'oncques mais homs n'y pot si grant avoir; Mais ce desir m'a trop fort deceu, Car il m'a fait un plaisir concevoir Dont je ne puis guerredon recevoir. Car quant je cuide estre bien avancié, Je me treuve toudiz, au dir voir, Que j'ay un pié deschaux, l'autre chaucié. (№ 490; t. III, p. 314).</p>	<p>Se tous les biens que Fortune promet, Et tous les dons qui sont en sa puissance Estoient miens, et eusse a mon souhait Honneur, deduit, estat, force et vaillance, Beaulté de corps, jeunesse, or et finance, Chiens et oisiaux, grans chevaulx pour jouster, Plaisans joyaulx, tout ce c'om puet penser Pour corps humain, a tout renonceroie Pour un seul point que vous vueil declarer: Se ma tristesse estoit tournée en joye (№ 544; t. III, p. 386–387).</p>
--	---

<p>Мной владело столь страстное любовное желание, Какое никогда не покоряло другого человека, Но слишком часто оно меня обольщало, Внушая упование на усладу, Которой мне не дано. Лишь только покажется мне, будто чего-то добился, Вижу ясно тотчас: Одна лишь нога у меня обута, другая боса⁴⁶.</p>	<p>Если б все блага, что Фортуна сулит, Все дары, какими может она наделить, Стали моими, и мне бы были даны Почести и развлеченья, должный чин, сила и мощь, Если б я был красив и молод, владел серебром и золотом, Псами и птицами, боевыми конями для сражений в турнирах, Драгоценными ожерельями — всем, что Служит телу, от всего бы отрекся, И все отверг ради одной-единственной вещи, о которой вам и скажу: Только б моя печаль сменилась радостью.</p>
--	---

Что касается третьего звена в этой градации стилей, то его иллюстрацией может служить, к примеру, любовная баллада № 425, образованная краткими репликами поэта и дамы. Здесь, помимо соединения абстрактной и конкретной лексики, характерного для «смешанной манеры», есть дополнительный снижающий прием: диалог, состоящий из отрывистых реплик, иногда членящих сам стих. Такой диалог, видимо, считался смешным и остроумным: Гальфрид Винсальвский рекомендовал его использовать в стихотворениях «комического стиля»⁴⁷.

⁴⁶ Похожим образом строится баллада № 542: строфы выдержаны почти исключительно в куртуазном регистре, тогда как рефрен, представленный идиомой, более конкретен: «Et! que je suy tourmentez durement / En ce que j'ay de vous, le temps passé, / Joye et plaisir receu joyeusement; / Et my bon jour sont a present cessé, / Car les biaux mos et les doulx m'ont lessé; / Par vos escripts me fait Amour la maue. / Dont mon cueur est triste, las et cassé; / Car mes bons jours sont au sel et a l'yaue. — Ma joye en dueil, mon plaisir en tourment, / Et mon espoir en courroux trespasé / Sont, quant je voye tourner soudainement / Le bien en mal que j'avoie amassé / Par vos doulcour; or m'a desdaing lassé, / Qui sanz raison par lettres me rabaue, / Au lit de mort sans estre respasé / Car mes bons jours sont au sel et a l'yaue. / ... — Dame, je suis vostre serf ligement, / D'Amours me plaing, mais de vo bien me laue; / Ne m'escrivez plus si estrangement, / Car mes bons jours sont au sel et a l'yaue» (t. III, p. 383–384). («О! Сколь велики мои муки! / Прежде вы дарили мне наслаждение и радость; / Ныне миновали хорошие дни, / Не слышу более прекрасных сладких слов. / Когда вы мне посылаете такие письма, Амур мне строит гримасу. / Сердце мое печально, уныло, разбито. / Такие настали дни, что я остался на хлебе и воде. — Радость моя сменилась печалью, наслаждение — мукой, / Надежда — гневом, / Когда вижу, что все благое, что я приобрел, куда вы были нежны, / Внезапно обернулось злом. ... / — Дама, я ваш верный раб; / Я сетую лишь на Любовь, но вас восхваляю; / Не пишите мне таких странных писем. / Такие настали дни, что я остался на хлебе и воде»).

⁴⁷ «Si materiam ergo jocosam habemus prae manibus, per totum corpus materiae verbis utamur levibus et communibus et ad ipsas res et personas pertinentibus de quibus loquimur. Talia namque poscit talis materia, qualia sunt inter colloquentes et non alia nec magis difficilia. Et cum pervenimus ad illum principium materiae, ubi jocus reponitur et reservatur, scilicet ad fines materiae, quanto expressius poterimus sequamur unum idioma per aliud, scilicet ut ita sedeat jocus in uno idiomate sicut in alio. Verbi gratia, ponamus in exemplum hanc materiam jocosam: «Lex fuerat socii..., etc.». Ecce aliud exemplum jocosae materiae:

Conscii, quid iter rapiamus? — Quia placet ire.

<p>Secourez moy! — De quoy? — Des maulx d'amer. — Et quelz sont il? — Ilz passent toute rage, Ils sont ardans, ilz font coulour muer, Ilz font un fol estre d'un hom saige, Ilz font trembler et paier le musaige, Aller, venir, penser et pou dormir, Cent fois le jour tourmenter le couraige. — Dont sont ce maulx que nul ne puet guerir?</p> <p>— Si fait. — Comment? — Par doulx confort d'amer. — De qui? — De vous, tresbelle et douce ymaige. — Par quel moyen? — De baisier, d'acoler Et de souffrir au doulx pelerinige Offrir celui qui s'i veue et enraige Quant il ne puet d'amours a chief venir. — C'est trop avant et requis a oultrage. — Dont sont ce maulx que nul ne puet guerir? (t. III, p. 229–230).</p>	<p>Спасите! — От чего? — От любовных страданий. — Каковы они? — Сильнее горячки, Так ужасно пекут; от них бледнеет лицо, Впадает в безумство мудрец, От них бьет дрожь, от них сходишь с ума, Бродишь взад и вперед, размышляешь, не спишь, Сто раз на дню истязает себя самого. Откуда ж такая болезнь, от которой никто не излечит?</p> <p>— Излечит. — А как? — Сладким любовным утешеньем. — Чьим же? — Вашим, прекрасный и сладкий образ. — А все-таки как? — Поцелуями, объятиями, И, наконец, согласим, чтобы тот, кто желает и сходит с ума, — ведь давно не может добиться любви — Отправился в сладостное паломничество. — Ну это уж слишком, просьба непомерна. — Откуда ж такая болезнь, от которой никто не излечит?</p>
---	---

Помимо трехчленных градаций стиля, среди стихотворений Дешана заметно традиционное для литературы XIII — первой половины XIV века противопоставление высокого и низкого стилей (иначе сказать, их бинарная система), — причем они ассоциируются с обычными для Средних веков жанрами, темами

Ad sacra. — Quando? — Modo / — Quo? — Prope. — Fiat ita ... etc. (Documentum de arte versificandi. Op. cit. P. 317). («Если предмет наш весел, на протяжении всего рассказа воспользуемся легкими и обычными словами, соответствующими тому, о чем идет речь, а также персонажам, о которых говорим. Такой предмет требует от нас слов, которые в ходу между говорящими, но вовсе не других и уж никак не более сложных. Когда же мы доберемся до того места рассказа, в котором заключается шутка, а именно до его конца, постараемся, чтобы предложения, которые следуют друг за другом, были как можно выразительнее, так, чтобы казалось, что шутка скрыта в каждом из них. Пусть примером шутильной темы послужит нам такой, в частности: «Был у товарищей закон...» и т. д. А вот еще один пример шутильной темы:

— Друзья, чего собираемся в путь? — К святыням спешим. — Когда? — Сейчас. — Далеко? — Близко. — Ну, ладно... и т. д.». «Lex fuerat sociis» («Был у товарищей закон») — начало элегической комедии «О трех товарищах» («De tribus sociis») того же Гальфрида. Для Гальфрида диалог в стихах явно ассоциировался с комедией, последняя же была низким жанром. Эту точку зрения, надо полагать, разделял и Дешан, у которого есть известное число диалогических баллад, имевших квазидраматический характер и рассчитанных на выразительную декламацию. См. *Bliggenstorfer S. Les ballades dialoguées d'Eustache Deschamps // Autour d'Eustache Deschamps (Médiévales, 2). Amiens, 1999. P. 15–26.*

и стихотворными формами. Выше мы анализировали балладу Дешана, обращенную к Ренье де Три. В этом случае само стихотворение иллюстрирует тот тезис, который поэт в нем отстаивает. Упрекая коллегу в том, что тот применяет «прекрасные слова» к «низкой материи», Дешан осыпает его бранью, пишет о скабрёзных предметах. Он явно размещает свою стихотворную декларацию в границах низкого стиля, ассоциируя с ним непристойное и телесное, хулу и поношение. Исходя из этого примера низкого стиля, можно реконструировать противоположный полюс: там должны быть хвала, тематика, далекая от телесного и непристойного, и соответствующий элокутивный ряд.

Поэт, как известно, был автором многих хвалебных стихотворений, в том числе посвященных городам; если же восхвалялся какой-либо человек, то нередко им был умерший; в этих случаях хвала и плач соединялись⁴⁸. Плачи Дешана, как упоминалось, относятся к высокому стилю: здесь он порой использует глагол «кричать» — своего рода маркер стилистической высоты. Тот же маркер встречается и в пророчествах⁴⁹. Благородной окраске этого последнего жанра способствует, по-видимому, и аллегорическая форма: есть основания полагать, что она воспринималась как стилистически высокая. Последнее предположение находит опору и в латинских поэтиках XII века, где аллегория была фигурой трудного слога, который, как известно, обладал известным сходством с высоким и в некоторых поэтиках с ним сближался⁵⁰.

⁴⁸ Ср., в частности, похвалу Парижу: «A toy ne soit nulle autre comparee, / Babiloine ne s'i comparast mie, / Ne Romme aussi qui tant fut renomnee, / Ne Ninivie, Florence, ne Pavie, / Troie la grant dont tu es departie; / Ne cil que jamais seront / A toy seule comparer ne pourront; / De tes grans biens est chascuns esbahis...» (№ 170; t. I, p. 303). («С тобой не сравнится никакой другой город, / Не сравнится б с тобой ни Вавилон, / Ни славный Рим, / Ни Ниневия, Флоренция, Павия, / Ни великая Троя, давшая тебе начало. / Не сравнятся с тобой и те города, / Что позднее будут воздвигнуты»). Ср. также похвалу Реймсу: «O tu, cité tresnoble et ancienne, / Qui jadis fus fondee de Remus, / Reins t'appella, de son nom Rancienne; / Romme fonda ses freres Romulus; / Le senat t'acousina / Quant Julius Cesar ses osts mena / Pour conquerre Gaule, France nomee, / Et ton confort requist et demanda: / Tu dois estre sur toutes honoree» (№ 172; t. I, p. 305). («О благороднейший и древнейший град, / Некогда основанный Ремом, / Ты назван Реймсом по имени этого героя, / Как Рим назван по имени Ромула. / Римский сенат признал тебя союзником, / Когда Цезарь вел войска, чтобы покорить Галлию, называемую ныне Францией, / И обратился к тебе за помощью. / Тебя, Реймс, надо чтить превыше других городов»). В обоих стихотворениях обращают на себя внимание многочисленные имена собственные, бывшие в средневековой литературе одним из видов словесного орнамента — так, Матвей Вандомский рекомендует использовать их в качестве эпитетов (*Ars versificatoria // Faral E. Les arts poétiques*. Op. cit. P. 132). См., кроме того, баллады № 123 (на смерть Гильома де Машо) и № 166 (на смерть Карла V), сочетающую черты хвалы и плача.

⁴⁹ Ср. балладу № 26, включающую помимо пророческой аллегории упоминание крика: «J'ay tant crié, com le viel Symeon, / Et lamenté, comme fist Jeremie, / En esperant, que la redemption / De Gaule en grec sur la terre d'Albie / Voy approuchier, et que la prophécie / Bede, Merlin et Sebile, ensement / Avec le Brut commencent proprement / Leur grant effect...» (t. I, p. 106). («Я кричал, как старый Симеон, / И стенал, как Иеремия, / Надеюсь, что спасение Галлии / Приближается к землям Альбиона, подобно сильному ветру, / И все пророчества Беды, Мерлина, Севиллы и Брута / Уже свершаются...»). См., кроме того, баллады № 46 и № 162 — плачи, где также упоминается крик.

⁵⁰ Так, Гальфрид Винсальвский в своей «Новой Поэзии» называл легкий слог «лишенным важности»: «Si sermo velit esse levis pulchrique coloris, / Tolle modos omnes gravitatis et utere

Помимо пророчеств, у Дешана есть и другие стихотворения, основанные на аллегорическом материале, — например, пересказе «Морализованного Овидия»; скорее всего, их также следует считать образцами высокого стиля⁵¹. Быть может, и сам по себе антикизирующий орнамент, даже не имеющий аллегорического значения, уже указывал на известную высоту стиля: немаловажно, что использование аллегорий, восходящих к морализованному прочтению «Метаморфоз», или упоминание имен мифологических персонажей не сочетается у Дешана с обращением к низким предметам или обценному содержанию⁵².

Итак, дихотомия высокого и низкого стилей, традиционная для Средних веков, не теряет для Дешана своего значения. Формы, которые она принимает в его творчестве, также обычны для этого периода: высокий и низкий стили свя-

planis, / Quorum planities turpis ne terreat aures» (Poetria nova // Ibid. P. 231). («Если речь должна быть легкой и красивой, / Избавься от всякой важности и воспользуйся понятными фигурами, / Такими, однако, чтобы их некрасивая простота не оскорбляла слуха»). Вслед за Гальфридом именно так противопоставляет легкий и трудный слог Эверард Немецкий в своем «Лабиринтусе»: «Prima curgo via plana, gravitate relicta omni...» (Laborintus // Ibid. P. 351). («Пойду по плоской дороге, вовсе оставив важность»). Между тем «важность» считалась отличительной чертой высокого слога — так, в античности, например в «Риторике для Геренния»: «In gravi consumetur oratio figura, si quae cuiusque rei poterunt ornatissima verba reperiri, sive propria sive extranea, unam quamque in rem adcommo dabuntur, et si graves sententiae, quae in amplificatione et commiseratione tractantur eligentur et si exornationes sententiarum aut verborum, quae gravitatem habebunt, de quibus post dicemus, adhibebuntur (IV, 11)» (Rhétorique à Herennius. Op. cit. P. 138–139). («Слог будет важным, если для характеристики каждой вещи будут найдены и использованы красивейшие слова — либо собственные, либо употребленные переносно; если будут отобраны важные сентенции, как для развития темы, так и для того, чтобы вызвать сострадание; наконец, если пустить в ход словесные фигуры и фигуры речи, имеющие важность, — о них мы еще скажем далее»). Иоанн Гарландский в «Парижской Поэзии» именуется высокий стиль «важным», связывая его с социальным статусом персонажей: «Item sunt tres stili secundum tres status hominum. Pastoralis vite convenit stilus humilis, agricolis mediocris, gravis gravibus personis que presunt pastoribus et agricolis» (Parisiana poetria / Ed. T. Lawler. New Haven-London, 1974. P. 86). («Кроме того, выделяют три стили в зависимости от положения людей. Жизни пастуха соответствует низкий стиль, жизни пахаря — средний, важный стиль подобает важным персонам, которые стоят выше пастухов и пахарей»).

⁵¹ Ср. балладу № 129: «Ballade sur Poeterie: Princes d'enfer, o ta forsennerie / Au monde voit on porter Cerberus / O ses III chiefs monstrant ta seigneurie; / Des trois Raiges y est fait tes escus: / C'est d'Aletho, Thesiphone et Megus; / Trois suers sont qui monstrent le chemin / A touz humains en ce monde ça jus / De l'ame avoir en enfer dure fin. / Car en pluseurs y voy Ypocrisie / Et autres mauix venans de Titius; / Par Yxion, pechié de lecherie; / Par convoitant y regne Tantalus; / Cuer orgueilleus y est par Sisiphus / Qui sa roche porte soir et matin, / Eulx efforçans chascun de plus en plus / De l'ame avoir en enfer dure fin» (t. I, p. 251). («Баллада о поэзии: Владыка ада, / Трехглавый Цербер означает / Твою ярость и власть над миром; / Ему служат три фурии: / Алекто, Тезифона, Мегера — / Три сестры, что указуют дорогу в ад / Каждому смертному. / Во многих душах я вижу Лицемерие / И другие пороки, рожденные Тифием; / Иксион знаменует сладострастие; / Тантал — любостязание; / Сизиф, катящий день и ночь камень, / — Гордыню. Все они желают, чтобы души людей навечно пребывали в аду»).

⁵² Ср. баллады № 8 («De Nepturnus et de Glaucus me plain / Qui contre moy font la mer felonnesse...» (t. I, p. 80). («Жалуюсь на Нептуна и Главка, / Взбунтовавших на зло мне море...») и № 35 (поэт вспоминает миф о Кеике и Алькионе и далее молит Морфея поведать даме о его страданиях).

зываются с определенными жанрами, содержанием и некоторыми элокутивными средствами.

В то же время ему из разных источников известно и о существовании более сложных, трехчленных градаций стиля; влияние этих систем также обнаруживается в его собрании сочинений. Некоторые стихотворения воплощают его видение среднего стиля, — как, например, те, в которых поэт обсуждает тот или иной нравственный вопрос и подает своему адресату нужный совет, обращаясь к нему с «чувством меры», не слишком возвышая голос; в иных случаях средний стиль предстает как смешение высоких и низких элокутивных средств и топосов. Эти более сложные стилистические системы порой теряют одно из звеньев, и противопоставление сводится к оппозиции высокого и среднего.

Ключевые слова: двухчленная и трехчленная градация стилей, средневековые поэтики, «Епископская книга» Гильома Дюрана, *vox media*, *vox mediocris*, Эсташ Дешан, «*voix moyenne*», средний стиль; громкость декламации и высота стиля.

THE ART OF WRITING AND OPPOSITIONS OF STYLE IN EUSTACHE DESCHAMPS' S LYRICAL POEMS

L. V. EVDOKIMOVA

Examining various poetic works by Eustache Deschamps (*D'un beau dit de ceuls qui contreuvent nouvelles bourdes et mensonges*, as well as some ballads), we come to a conclusion that he was aware of ternary and binary oppositions of styles. His familiarity with a system of the first type is evidenced by the term “restrained voice” (*voix moyenne*) which is used in poem *D'un beau dit de ceuls qui contreuvent nouvelles bourdes et mensonges*. The paper shows that this term goes back to one of liturgical books, *Pontificale romanum* by Guillaume Durand. In this case Deschamps apparently mixes up different notions and applies the term used in this books to the gradation of types of declamation and styles developed in the Middle Ages within one of rhetorical traditions. In the second half of the 14th century the term “restrained voice” begins to be associated with the neutral style and didactic content. In other cases, Deschamps’s conception of the neutral style goes back to those medieval versions of rhetoric (*artes dictaminis*, *artes praedicandi*) where style was dependent on the situation in which communication takes place, namely the social status of speakers and their education level. Deschamps suggests that one should address people of the middle class in a “mixed manner” (*maniere entremeele*). This term implies the combination of higher and lower elocutionary means and *topoi*. Apart from the ternary gradations of style, poetic works by Deschamps reflect the binary opposition of the high and the low styles, traditional for the literature of the 13th and the first half of the 14th century.

Keywords: binary and ternary oppositions of styles, medieval poetics in its connection to classical traditions, vox media, vox mediocris in *Pontificale romanum* by Guillaume Durand and Deschamps's vox moyenne, neutral style, declamation and style, loudness of voice and the high style, "mixed manner" (maniere entremelee) and the neutral style.

Список литературы

1. Евдокимова Л. В. Риторика и поэзия в «Искусстве сочинять» Эсташа Дешана // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2005. № 2. С. 178–190.
2. Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2010. № 7. [труды международного коллоквиума «Théorie des trois styles et les littératures européennes du Moyen Age: les arts poétiques et la pratique littéraire», 1–3 сентября 2008, Москва, ИМЛИ–РГГУ / Под ред. Л. В. Евдокимовой при участии В. В. Смирновой].
3. *Albertanus Brixiensis*. *Ars loquendi et tacendi* // Brunetto Latino Levnet og Skrifter / Ed. T. Sundby. Kjøbenhavn, 1869.
4. *Andrieu M.* Le Pontifical romain au Moyen Age. Citta di Vaticano, 1938. Т. 1–4.
5. *Becker K.* Le Lyrisme d'Eustache Deschamps. Entre poésie et pragmatisme. Paris, 2012.
6. Cent (Les) Ballades, poème du XIVe siècle, composé par Jean Seneschal avec la collaboration de Philippe d'Artois, comte d'Eu, de Boucicaud le jeune et de Jean de Cresecque / Ed. G. Renaud. Paris, 1905.
7. *Cerquiglini-Toulet J.* Conscience de style, conscience de soi chez Christine de Pizan // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2010. № 7. P. 139–150.
8. «Dictiez vertueux» (Les) d'Eustache Deschamps. Forme poétique et discours engagé à la fin du Moyen Age / Dir. M. Lacassagne et T. Lassabatère. Paris, 2005.
9. *Dragonetti R.* La poésie ... cette musique naturelle. Essai d'exégèse d'un passage de l' *Art de dictier* d'Eustache Deschamps // Fin du Moyen Age et la Renaissance. Mélanges offerts à Robert Guiette. Anvers, 1961. P. 49–64.
10. Effets de style au Moyen Age / Dir. Ch. Connochie-Bourgne et S. Douchet. Aix-en-Provence, 2012.
11. Eustache Deschamps, témoin et modèle: littérature et société politique (XIVe–XVe siècles) / Dir. M. Lacassagne et T. Lassabatère, Paris, 2008.
12. *Eustache Deschamps*. L'Art de dictier / Ed. D. M. Sinnreich-Levi. East Lansing, 1994.
13. Eustache Deschamps. French courtier-poet: his work and his world / Ed. D.M. Sinnreich-Levy. New York, 1998.
14. *Eustache Deschamps*. Œuvres complètes / Éd. du marquis de Queux de Saint-Hilaire et G. Raynaud. Т. I–XI. Paris, 1878–1904.
15. *Evdokimova L.* Ethique, économique, rhétorique. La classification aristotélicienne des sciences et la poésie didactique de Deschamps // Les «Dictiez vertueux» d'Eustache Deschamps. Forme poétique et discours engagé à la fin du Moyen Age / Dir. M. Lacassagne et T. Lassabatère. Paris, 2005. P. 57–72.
16. *Faral E.* Les arts poétiques du XIIe et du XIIIe siècle : recherches et documents sur la technique littéraire du Moyen Age. Paris, 1924 (Genève-Paris, 1982).
17. *Gallyn-Hallyn P., Dietz L.* Le style au Quattrocento et au XVIe siècle // Poétique de la Renaissance. Le modèle italien, le monde franco-bourguignon et leur héritage en France au XVIe siècle. Genève, 2001. P. 532–565.
18. *Geoffroi de Vinsauf*. Documentum de arte versificandi // *Faral E.* Les arts poétiques du XIIe et du XIIIe siècle : recherches et documents sur la technique littéraire du Moyen Age. Paris, 1924 (Genève-Paris, 1982).
19. *Hicks E., Ornato E.* Jean de Montreuil et le débat du Roman de la Rose // Romania. 1977. Т. 98. P. 34–64, 186–219.

20. *Jean Gerson*. Traictié d'une vision faite contre Le Roman de la Rose // Le débat sur le *Roman de la Rose*. Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col / Ed. E. Hicks. Genève, 1996.
21. *John of Garland*. Parisiana poetria / Ed. T. Lawler. New Haven-London, 1974.
22. *Lacassagne M.* Eustache Deschamps, praticien du style moyen // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2010. № 7. P. 151–165.
23. *Lassabatère T.* La Cité des Hommes: Eustache Deschamps, expression poétique et vision politique. Paris, 2011.
24. Livres dou Tresor de Brunetto Latini / Ed. J. Carmody. Los Angeles, 1948.
25. *Martimort A.-G., Cabié R.* L'Église en prière. T. 1: Principes de la liturgie. Paris, 1983.
26. *Martimort A.-G.* Les «ordines», les ordinaires et les cérémoniaux. Turnhout, 1991.
27. *Meyer P.* Traités catalans de grammaire et de poétique // Romania. T. 9, 1880. P. 51–70.
28. Oc, oïl, si. Les langues de la poésie. Entre grammaire et musique. Traductions et commentaires / Dir. M. Gally. Paris, 2010.
29. Rhétorique à Herennius / Texte établi et traduit par G. Achard. Paris, 1989.
30. *Thomas de Chobham*. Summa de arte praedicandi / Ed. by F. Morenzoni (Corpus Christianorum, continuatio medievalis, 82). Turnhout, 1988.
31. *Unruh P.* «Fumeur» Poetry and Music of the Chantilly Codex: a Study of its Meaning and Background. A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. The University of British Columbia, 1983.
32. *Van Dijk S. J. P.* Sources of the Modern Roman Liturgy. T. 1–2. Leiden, Brill, 1963.